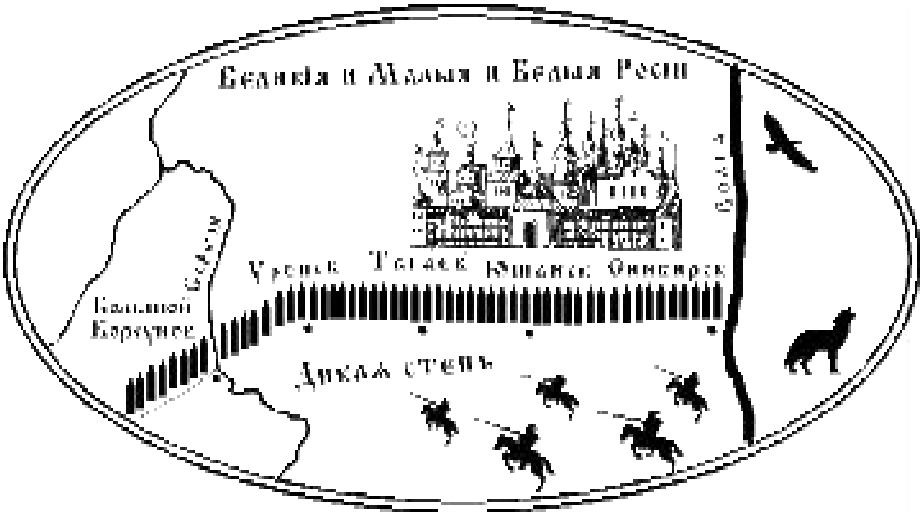
Верному другу, жене и помощнице Людмиле посвящается эта книга



Поэтические «Сказания земли Симбирской» созданы русским поэтом Николаем Полотнянко, чтобы привлечь читателей к познанию истории родного края, где в течение почти четырёх веков, после начала заселения его русскими людьми, происходили события, оказавшие существенное влияние на весь ход российской истории. Это – и культурное освоение Дикого поля, совместно с народами Среднего Поволжья, и церковный раскол, и крестьянские восстания С.Т.Разина и Е.И.Пугачёва, и деятельность первых русских промышленников, и расцвет помещичьей усадебной культуры, давшей России классиков русской литературы Н.М.Карамзина, И.И.Дмитриева и И.А.Гончарова.

Симбирск – родина В.И.Ленина.

По книге «Сказания земли Симбирской» режиссёром Дианой Шпоркиной снят одноимённый фильм >>>.

В 1648-1785гг. Ульяновск назывался Синбирском, а до 1925г. – Симбирском, что и отражено в текстах.

На 1-й стр. обложки Великий Государь Алексей Михайлович.

© Полотнянко Н.А., 2021

Николай Полотнянко

СКАЗАНИЯ ЗЕМЛИ СИМБИРСКОЙ

А.Олеарий. Русские крестьяне, 17 век

Ульяновск, 2021

Я ПАМЯТНИК ВОЗДВИГ

Пока все хвалят, иль клянут свободу
И правят мненьями расчёт и суета,
Я памятник воздвиг великому народу
И городу Симбирску навсегда.

Он был основан не мечом, но плугом.
Всё было здесь: и крепость барских пут,
И Разинский, и Пугачёвский бунт,
Подобные слепым кровавым вьюгам.

Он мнил себя как город-дворянин,
Пока пожар не стал ему итогом.
И родился на пепелище сын,
Что на столетье стал мужицким богом.

Под прошлым всё ещё сочится кровь,
Я памятник над ней воздвигнул граду.
И Богом данную к Отечеству любовь
Считаю для себя как высшую награду.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писателя Николая Полотнянко не надо представлять читателю. Поэт, прозаик, драматург, публицист, автор многих талантливых книг, он хорошо известен читающей публике Ульяновска и не только.

При всей многогранности его творчества можно выделить тему, которой он остаётся верным уже многие годы: это история Симбирского-Ульяновского края. На этом поприще ему удалось создать беспрецедентную для Ульяновска литературную летопись малой Родины, посвятив этому целую серию своих произведений, как прозаических, так и поэтических, и драматических.

Последнее на сегодняшний день направление литературной деятельности Н.А. Полотнянко – создание сборника поэтических сказов из истории нашего края. Задача благодарная и нужная. Предлагаемое вниманию читателя издание продолжает предыдущую прозаическую книгу автора «Синбирские сказания», вышедшую в 2019 году и заслужившую признание любителей литературы и всех, интересующихся историей Симбирска-Ульяновска.

Не простая это была история. Многое случалось за прошедшие века. Переживал наш город чуму и страшный пожар, осаду войском Разина и

войну между красными и белыми в начале XX века. Становился районным центром – многое было в его истории.

Много было в Симбирске лихого:
То чума обезлюдит, то бунт
Стеньки Разина иль Пугачёва
Вспыхнет – вырвать народы из пут.

История Симбирска-Ульяновска неразрывно связана с именами Богдана Хитрово, Степана Разина, Емельяна Пугачёва, Николая Карамзина, Александра Пушкина, Ивана Гончарова, Андрея Блаженного, Ильи Николаевича и Владимира Ульяновых. Это такие непохожие, но, вместе с тем, славные имена нашей истории, чья жизнь и судьба отразились на страницах книги Николая Полотнянко.

Разные стихии кружили над Симбирском, но, наверное, главным было исконное бунтарство, тот бунташный дух, без которого просто нет, ни российской, ни симбирской истории. Николай Полотнянко отдаёт должное их грозным теням, их именам, которые и анафемствовали и предавали забвению. Не получилось:

Но нельзя развенчать
Казака Пугачёва,
Коль его до царя
Возвеличил народ.
И звенят
От пощёчины барской оковы.
И стучат топоры,
Громоздят эшафот.

Размахнулся палач…
И упала на плаху
Голова.
И народ ужаснулся над ней.
Из груди Емельяновой алая птаха
Взмыла вверх –
Выше древних московских церквей!

Не просто, совсем не просто шла российская история.

В книге, как и истории, действуют цари, бояре, воеводы – вельможи своих эпох. Перед читателем встают Святослав Игоревич, Иван Грозный, Богдан Хитрово, Пётр Великий, которым писатель отдаёт должное:

Великий Пётр был остёр
Не только на бумаге.
Он крепко в руки брал топор
На верфи и на плахе.

Но не забывает Николай Полотнянко, вспоминает и простых русских людей: пахарей, мастеровых, солдат...

Владимирка!
Песни, былины
Про вечно гонимый народ.
Ухабы избиты, как спины,
Безвестно ушедших вперёд.
Брели они с бритыми лбами,
С печальной надеждой в груди.
Века пронеслись за веками,
А горе, как прежде, в пути!

Если взять чисто историческую сторону, то книга откликается на все значительные события русской истории, так или иначе связанные с Симбирском-Ульяновском: от нападения ордынцев на Волжскую Булгарию до распада СССР. В этом смысле она хорошее пособие и напоминание по истории России и Симбирска-Ульяновска.

«Сказания земли Синбирской» – значимый вклад русского поэта Николая Полотнянко в дело популяризации истории родного края талантливым поэтическим словом.

Валерий Кузнецов,
доктор исторических наук

ЗАЧИН

Пусть прошлое туманно и не близко,
Печаль о нём торжественно светла.
На площадях и улицах Симбирска,
Прислушайся, – звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовётся год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжёт.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Симбирск. Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Симбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

Герб рода Хитрово

СЛОВО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Испокон веков повелось на святой Руси, что в начале любого дела, даже самого малого, всегда было Слово, тем более, когда оно решало, быть или не быть на Волге ещё одному граду-крепости, и произнести его мог во всём Московском государстве лишь его державный владыка – великий государь и царь Алексей Михайлович. Для этого по зимнему пути 1648 года из только что возведённого на засечной линии острога Корсун был вызван в Москву полковой воевода Богдан Хитрово, который, не мешкая, отправился в путь, чтобы предстать перед могущественным самодержцем.

Полковому воеводе Хитрово кремлёвские порядки были хорошо ведомы по прежним временам его службы при самом великом государе. И стольник «на крюке» в государевой комнате не стал томить своего предшественника по должности ожиданием в сенях, и зычно, перекрывая шепотки, возгласил:

– Полковой воевода Богдан Матвеевич Хитрово! Тебя призывает великий государь!

Глава 1

СКАЗ ПРО БОГДАНА ХИТРОВО

-1-

Лампада жёлто тлела под иконой.
Петушьим гребнем алая заря
Над Волгой воссияла.
Ржали кони.
Вилась позёмка, искрами горя.

Перекрестившись истово три раза,
Он из ковша плеснул в лицо воды.
День впереди – бдеть царские наказы,
Доносы разбирать, вершить суды...

Зевнул, по-волчьи клацнув челюстями.
Испил вина из кубка своего.
Почти всю ночь провёл в острожной яме
Без сна Богдан Матвеич Хитрово.

Вокруг народец на разбои прыткий.
Глаза сомкнёшь – и вот она, беда.
Вчера ногаец показал на пытке,
Что из Заволжья движется орда.

Он приказал не медлить и сегодня
Разведку выслать, ибо враг не ждёт.
В окошко глянул: наготове сотня
Казаков гарцевала у ворот.

Он знал, что не вернётся каждый пятый
Из посланных...

Коварен старый хан!

И в горницу угрюмо звероватый
Вошёл на зов походный атаман.
Окольничий сурово молвил:
– С Богом!
На всё три дня. Засады берегись!..
Ворота заскрипели. Из острога
Станица с гиком перешла на рысь.

За нею взвился белый хвост метели.
Вставало солнце, разгоняя мрак.
И к воеводе, как сквозняк сквозь щели,
Проник подьячий с кипою бумаг.

Бочонок – статью, мордочкой – лисица,
А вьёт слова, как будто чародей.
Окольничий скривился на мздоимца.
В кнуты б его, да жалко – грамотей.

Такого не найти во всей округе.
Всё ведает в делах, собачья сыть.
Вон – целый ворох притащил докуки,
На всё ответить надо, рассудить...

-2-

На крыше съезжей снег шуршал половой.
Склонился люд… Богдану Хитрово

Царь повелел вершить в уделе новом
Суд праведный от имени его.

И в этот день пред ним прошли чредою:
Должник – на правеже ему стоять,
Крестьянин беглый – выдать с головою,
Базарный тать – на год в оковы взять.

По всей Руси ещё гноила Смута,
От Пскова до окраинной земли.
Пришёл указ, чтобы повинных в бунте
Поймать, дабы на Дон не утекли.

И зорко бдеть за понизовой степью,
За каждой шайкой, каждым бунтарём.
Поволжье тлело, словно угль под пеплом,
Чтоб распалиться разинским огнём.

Вокруг конца не видно лихолетью,
Как будто бесы кружат над страной…
Из думы отписали: лютой смертью
Казнить воров, что взяты за разбой.

Всё сделать, как в Москве приговорили,
Подьячему велел.
Свершился суд.
Чтоб прорубь на Свияге прорубили,
А кат покрепче просолил свой кнут.

-3-

Снежинки комарьём в лицо метнулись.
Пахнуло свежим деревом с крыльца.
Под шубою тяжёлою сутулясь,
Смотрел на Волгу Хитрово с Венца.

Скулил у ног бродячий пёс острожный.
И воевода пнул его под дых:
Казачья сотня сгинула в Заволжье.
Четвёртый день, как нет вестей от них!

И где они?.. Увязли в снежных топях?
А может быть, сегодня иль вчера,

Их стриженые головы на копьях
Подъяты возле ханского шатра?

И завтра огласится диким гулом
Окрестность от нахлынувшей орды.
Он приказал удвоить караулы
И за острогом выставить посты.

Стрельцам – готовить сабли и пищали.
Вокруг – сторожевые жечь костры.
Послал гонца в Корсун, чтоб не зевали,
Оставили похмелья и пиры.

Строптивцам посулил свою немилость,
Чтоб в строй встал каждый ратный человек.
И весь рубеж, засекою щетинясь,
Был наготове отразить набег.

В Москву б сейчас... Но далеко столица.
На помощь от неё надежды нет.
На нём сейчас поволжская граница,
И он один за всё несёт ответ.

Позор и слава – всё в руке у Бога,
Но воевода не порушит честь.
Гонец стучится во врата острога,
И он готов услышать злую весть.

Герб Синбирска, 1672 г.

Глава 2

СКАЗ ПРО ТО, КАК СИНБИРСКИЕ КАЗАКИ ВОЕВАЛИ СО СТЕПЬЮ

Казачья станица, широким загоном раскинувшись по степи, гулко копытила поросшую молодой травой твёрдую землю. На берегу Майны казаки застали дымящиеся головёшки господской усадьбы, крестьянских избёнок, несколько изрубленных тел. Из живых нашёлся мальчонка, который забился в заросли полыни и конопли, и видел, как всё было.

Ногайцы подкрались незаметно под утро, выпустили десяток зажжённых стрел, завизжали, замахали саблями и пиками и ринулись на господский двор. Хозяин, русский дворянин, переселенец из Литвы, отстреливался из пищали, затем выскочил на крыльцо с двумя пистолетами, застрелил двух ногайцев и тут же был насквозь пронзён пикой. Подбежали трое мужиков с копьями, но их расстреляли из луков. Налётчики вытолкали из дома жену шляхтича с дочерью, связали их, затем сложили, что было ценного в доме, в узлы, набили мешки металлической посудой, кувшинами, тазами, хотели взять зеркало, но разбили. Согнали в один табун лошадей, коров, овец и погнали в степь.

Следует сказать, что набеги на русские окраинные поселения к середине XVII века стали редки. Чаще калмыки, башкиры и ногайцы воевали между собой, но, случалось, появлялся среди них отчаянный храбрец, который не слушал старших своего рода, когда ему говорили о силе огненного боя русских воинов, их неустрашимости и стойкости в бою, и он начинал с шайкой молодцов опустошать русские окраины.

Но это были последние еле заметные всплески бури Великой Степи, которую породил Чингисхан, и она, испепелив Русь, докатилась до европейских столиц…

СКАЗ ПРО ЧИНГИСХАНА

Когда Чингис хребты сломал врагам
И увидал, как вырванное сердце
Последнего изменника лягушкой
Трепещет на ладони палача,
Он, молча, скрылся в златотканой юрте.

Три дня его не видели нойоны.
Три ночи он не призывал наложниц.
На троне императоров Китая
Он восседал, внимая, вою ветра
И топоту горячих табунов.
Орда вокруг,

Как будто Змий огромный,
Свилась в кольцо.
Он был его главою,
А хвост терялся за полярным кругом.

Визжали жеребцы, ослы стонали,
Скрипели арбы. Мудрые верблюды,
Брюзгливо оттопыривая губы,
Глядели на костры.
Людское стадо,
Пропахшее курдючным ржавым салом,
Взглянуть не смело на бунчук владыки.

Он был один.
Взъярённые драконы
Смотрели с подлокотников во тьму.
И он глядел на пламя, камнелицый,
Как смерть, непроницаемый владыка,
В год Барса ставший всемонгольским ханом,
Как посуху, ступавший по крови.

Он руку протянул. Китаец – раб –
Подал ему с противоядьем чашу.
– Паршивый раб, скажи мне – я отравлен?
Ты жить оставлен мною для того,
Чтоб правду говорить! Другие лгут.
А молчуны опасней каракурта,
Ужалят и скрываются в ночи!

– О, яшмовый владыка! Повелитель! –
Ответствовал Чингису старый раб.
– Нет на земле такого человека,
Кто бы замыслил подлое злодейство:
Последний был убит у ног твоих.
Ты не отравлен, ты страшнее болен…
Три дня назад почувствовал ты муку
В груди своей. Тебя сжигает жажда
Величия, бессмертия и славы.

Раб замолчал, распластанный пред троном.
Во тьме гортанно прокричала стража.

Скулили псы. Гудела юрта бубном.
В глазах владыки заметались тигры,
Он зубы сжал и молвил: «Говори!»

– Величие земных владык в победах.
Когда орда – твои клыки и когти –
Послушная тебе, как травы ветру,
Разрушит десять тысяч городов
И десять миллионов мёртвых тел
Покроют мир от моря и до моря,
Тобою покорённые народы
И твой обоз – вороны и шакалы
Тебя восславят плачем и проклятьем,
Провоют и прокаркают хвалу,
Тогда ты будешь истинно бессмертен,
И неприступен для своих потомков.

Одно запомни – десять миллионов!
Ведь, кто погубит даже двести тысяч
Неотличим от подлого убийцы.
Детей им не пугают в колыбелях,
И не слагают гимнов и молитв.
Из погребений кости вырывают,
Швыряют их по ветру. Грязный пёс,
В отбросах роясь, брезгает их смрадом.

Раб замолчал. На ставку шла гроза,
Столь редкая в степи, и было душно.
Воителя саврасый жеребец
На привязи забился.
– Подлый раб, –
Подумал хан, –
Ты должен быть правдивым,
А ты читаешь мысли…

Через день
Орда, поднявшись, двинулась на Запад
Всем скопищем кибиток, стад овечьих,
Храпящих табунов и гор верблюжьих.
В тот день в Багдаде рухнул минарет,

А в Киеве колокола вдруг зазвонили сами.
На брошенной стоянке, точно язвы,
Кострища тлели. И хромой шакал,
Отставший навсегда от жадной стаи,
Выл возле трупа старого раба.

СКАЗ ПРО ГИБЕЛЬ БУЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

-1-

Был Булгар Великий – многолюдьем
обильный и славный,
Защищённый от недругов крепкой дубовой стеной.
Много белых, как снег, украшали столицу мечетей.
Далеко было видно вокруг серебро полумесяцев их.

Пять веков город был знаменит мастерами ремёсел,
Что готовили замшу, сафьян, выплавляли металл.
Славой Булгара были шеломы, мечи и кольчуги,
Но особо – воловьи, упругие, как барабаны, щиты.

Полноводный Итиль бороздили купцов караваны
Из персидских и свейских, и русских земель.
Открывала радушно пред ними ворота столица,
И на торжищах бурных копила богатства свои.

Был Булгар Великий владетелем нив плодородных,
Тучных стад крепкошеих быков и несметных отар.
Табуны аргамаков копытили дикие степи.
И кипел в бурдюках, вызревая к байраму, кумыс.

Были девы нежны и чисты, словно майские луны.
Благонравные жёны хранили огонь в очагах.
А мужья были мощные вои. Мечи в их десницах
Беспощадно разили надменно кичливых врагов.

И народы, что жили вокруг – черемисы
мордва и чуваши,
Приносили им дань: хлеб и мёд,
серебристых бобров и куниц.
Булгар всех государь был отцом и владыкой
для смертных.
И послы дальних стран пировали за ханским столом.

-2-

Был Булгар Великий, стоять бы ему
до скончания века.
Но в каспийских степях зародился неистовый смерч.
Сотни тысяч копыт враз ударили в гулкую землю,
И орда саранчой накатилась на Булгарский край.

Это были монголы, свирепые волки пустыни,
Кровь привыкшие пить из артерий своих жеребцов.
Головнёю горящей они по земле протекали,
И за ними три года на ней не росло ничего.

Медью прочной окованы были ворота столицы.
Но ударом тарана повержены были они.
И резня началась. И по плитам текла изразцовым
Кровь невинных детей, юных дев и седых стариков.

Трое суток монголы терзали и грабили город.
И, насытившись кровью и златом, его подожгли.
Был Булгар Великий, от него не осталось и плача
Летописца – поэта, лишь россыпи ржавых монет.

Глава 3

СКАЗ ПРО ПРИХОД БОГДАНА ХИТРОВО НА СИНБИРСКУЮ ГОРУ

– А вот и венец, – сказал Хитрово. – Самый край берегового обрыва.

Где-то невдалеке громыхнул гром. Они привязали коней к дереву и подошли к краю горы.

С почти отвесной высоты венца перед ними необъятно распахнулся вид на Волгу и её пойму. Река петляла между островов, широко и стремительно шла по коренному руслу и заводями, заливами и протоками охватывала громадное, не умещающееся в человеческий взгляд пространство земли и воды.

Туча не донесла свою тяжесть до высокого правого берега, опрокинулась посредине реки частым дождём, и налетевший неведомо откуда ветер быстро разметал дождевые струи над белолобыми волнами.

Заходила Волга, заволновалась, бросилась на свои берега, взбаламучивая песок и глину.

– Здесь место для крепости самое подходящее, — сказал градоделец Першин. – Давно я города ставлю, но такого удобства не видывал. Заволжское Дикое поле всё как на ладони, просматривается, лес мы сведём на крепость и откроем простор взгляду во все стороны света.

Богдан Матвеевич, стоя на высоком волжском откосе, почувствовал, как в него вливается щемящее душу желание взмыть над Волгой в вольном полёте.

«Как здесь просторно! – думал он. – Для того Господь и создал такие места, чтобы человек почувствовал своё горнее будущее…»

СКАЗ ПРО ЗАСЕЧНУЮ ЧЕРТУ

Дабы край оберечь от набегов башкир и ногайцев
И унять навсегда их по-волчьи разбойную прыть,
Государь повелел Хитрово – от Карсуна к Синбирску
Ров копать, сыпать вал и засеки, не медля, рубить.

Сберегать было что – по Суре от Курмыша
к Свияжску
Непрерывной чредой вековые стояли боры.
Меднотелые сосны, как струны, звенели
зимой от мороза,
Истекали смолой от истомной июльской жары.

На ручьях и речушках гнездились бобровые гоны.
Даже днём становилось темно от пролётных гусей.
Как бояре хмельные, в малинниках спали медведи,
И обозы пчелиные к дуплам тянулись
с медовых полей.

В мелколесьях и пустошах лоси бродили стадами.
И куницы за белками мчались в ветвях верховых.
А в Суре жировала по заводям царская стерлядь,
И сомы щекотали русалок усами в потёмках речных.

Край обильный, не ведавший русского слова,
Простирался на полдень вдоль Волги-реки.
Вкруг лежали ещё никогда не рождавшие земли.
Только дрофы ныряли в траву, да свистели сурки.

Край пустынный! Просторное Дикое поле,
Где ковыль, словно мех соболиный, волнуясь, сиял.
Там во тьме зарождались несметные орды,
И московский престол от кровавых набегов дрожал.

Сберегать было что – Волга стала проезжей дорогой
От Москвы и до Каспия, до шемаханских краёв.
Струги с красным товаром упругую пенили воду
На стремнине, разбойных страшась берегов.

Государь повелел, и по слову его каждый пятый
Двор послал мужика на царёвы труды.
Так возникли Тагай и Уренск, и Сокольск, и Юшанский,
И другие острожки Карсунско-Синбирской черты.

Громоздили валы, заострённые брёвна вбивали,
Рыли рвы в три сажени, а там, где был лес,
Там засеку рубили почти в полверсты шириною,
А пред ней выпускали на поиск казачий разъезд.

Под защитой черты поселялись стрельцы и
крестьяне,
Созидатели края, первожители русских слобод.
И плодились несчетно, пахали и сеяли жито,
И стекался к ним беглый гулящий народ.

Оглядевшись, подняв целину и построив жилища,
Для души возводили церквей многоглавую вязь.
Сквозь леса и болота дороги к столице торили,
Чтобы крепла с Москвою державная связь.

СКАЗ ПРО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

Ветер дул с понизовья, упругий и свежий.
В небесах отражался закатный пожар.
Русский князь Святослав шёл на Белую Вежу,
Чтоб безжалостный меч обнажить на хазар.

Были полны добычей из Булгара чёлны.
На могилах друзей отшумели пиры.

И дружина устала грести через волны
И пристала к подножью Синбирской горы.

Запылали костры. И над станом дружины
Плыл от Волги туман, предвещая тепло.
Князь отведал сопрелой сырой строганины,
Лёг на землю, главу преклонив на седло.

И объял его шум лиственного напева.
И прозрела душа, устремляясь во тьму.
И, восстав из воды, златовласая дева,
Наготою сияя, явилась ему.

И сказала она: «Ты Хазарское царство
Разгромишь и развеешь по ветру, как прах.
Только помни, о, князь, опасайся коварства
На днепровских порогах, в ковыльных степях».

Месяц плыл над землёю туманным осколком.
– Кто ты?.. И как мне найти тебя, где?
И промолвила дева речная: «Я – Волга».
И сокрылась в прибрежной кипящей воде.

Он проснулся и встал. Кумачового цвета
Облака проплывали над ним на заре.
И шумели прибоем деревья от ветра
На высокой и древней Синбирской горе.

СКАЗ ПРО НИКОЛИНУ ГОРУ

Рассветный час.
В тяжёлых снежных тучах
Мелькают ярко всполохи зари.
И на краю высокой древней кручи
Смотрю я вдаль с Николиной горы.

Распахнутый простор смущает душу:
Засурье, лес огнисто-золотой...
Рассветный час.
Легко смотреть и слушать,
Как бы паря над отчей стороной.

Здесь каждый вздох минувшим отзовётся,
Как эхом, из глубин седых веков.

Явленье Николая Чудотворца
Здесь изумило некогда врагов.

И в ужасе они бежали в степи.
И затерялся навсегда их след.
Здесь созидались рубежи и крепи,
И святости струился дивный свет.

СКАЗ ПРО ВАЛУН

На нём свои оставили следы
Мороз и солнце, суховей и ливень.
И на вершине глинистой гряды
Лежит он, словно исполинский бивень.

Он много видел: толпы диких орд
Здесь табунились, крах готовя Рима.
И космы шкур, и лошадиных морд
В нём отражались, проплывая мимо.

Он помнит первых пахарей Руси,
И знает дату каждого набега,
В те времена, когда дичали псы
На мёртвых пепелищах человека.

О многом может камень рассказать,
Но разве от него добьёшься слова?
Лежит он, как гранитная печать,
На беспробудной памяти былого.

СКАЗ ПРО АНДРЕЕВСКИЙ КУРГАН

Разъят курган.
На дне его – гробница.
В ней прах вождя неведомой страны.
Сжимает меч костлявая десница.
Пустые очи сумрачно темны.

И рядом с ним – два воина в кольчугах
Стоят, как стража, с копьями в руках,
Что добровольно и вождя, и друга
Пошли сопровождать в могильный мрак.

У ног его – ничком скелет девичий
Наложницы: пусть не скучает он.

Живьём зарытой, как велел обычай,
На торжестве угрюмом похорон.

И конский остов под седлом богатым,
И на сосудах серебристый тлен.
Гнетущее величие распада.
Слепая неизбежность перемен.

СКАЗ ПРО ВИТЯЗЯ НА РАСПУТЬЕ

Кончилась дорога.
Чёрный камень
На распутье медленно всплыл.
Фыркнул конь.
Метнулся ярый пламень
Из ноздрей и надпись осветил.

Хмурый витязь
По складам читает
Древнее пророчество в стихах.
Ничего оно не обещает,
Кроме смерти,
На крутых путях.

Мир велик,
Но где пути другие?
Как идти, когда подсказки нет?
А страна за камнем тем –
Россия!
И над ней восходит дивный свет.

Витязь булаву забросил в яму.
Снял доспехи.
Меч вонзил в траву.
И босой,
По бездорожью прямо,
Он пошёл,
Склонив на грудь главу.

Тридцать дней
Он шёл без сна и хлеба.
Конь за ним ступал стопа в стопу.

Он увидел озеро и небо.
И услышал ангела трубу.

Этот глас
На путь его направил.
Понял он, что Богом не забыт.
И на этом месте крест поставил.
И в бугре песчаном вырыл скит.

Тридцать лет
Он с тщаньем и любовью
Бога славил, пашню поднимал.
– Больше ты не пахнешь, витязь, кровью.
В мир иди… Нашёл ты, что искал!

СКАЗ ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО НА СУРЕ

Казань близка. В мордовских дебрях рати
Князь Курбский вёл три ночи и три дня.
И, выйдя из лесов, на кровяном закате
У берега Суры остановил коня.

Царь Иоанн оставил спешно Муром
И шёл навстречу с войском основным.
Клубились облака на небе хмуром.
Над станом вился горький белый дым.

Там, где Барыш с Сурой сливались вместе,
Вставала из воды седая хмарь.
И прискакавший Иоаннов вестник
Всем объявил, что завтра будет царь.

Князь Курбский из шатра шагнул наружу.
Вокруг костров мерцал багровый свет.
Звезда, взлетев, отяготила душу
Предчувствием уже недальних бед.

Он знал, что за казанскую победу
Придётся заплатить ему сполна.
Но князь в тот час того ещё не ведал,
Что будет и Ливонская война.

Что будут мятежи, опалы, казни,
Опричнина, потоки подлой лжи.

И в этот миг он мог помыслить разве,
Что скоро сам в Литву перебежит?.

Наутро они встретились. Пожаром
Рассвет в Суре волну окровянил.
И князь перед великим государем
Бестрепетно колено преклонил.

СКАЗ ПРО ПЕРВОСЁЛА

Он построил из глины и дёрна жилище.
Зиму провёл в задымлённой норе.
Первенца – сына отнёс на кладбище,
Что основал на недальнем бугре.

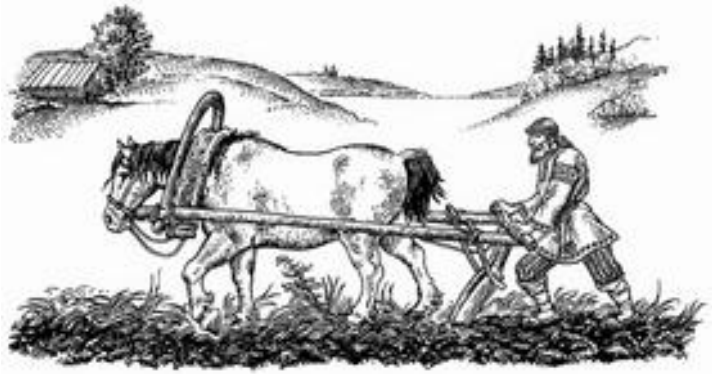
Богу молился, чтобы страх уничтожить.
Сбрую чинил, глядя в звёздную тьму.
Выжила б только кормилица – лошадь,
Счастье же пашня подарит ему.

Вновь журавли в небе синем поплыли,
Липа взмахнула зелёным крылом.
Вышел во двор, в ноздри дунул кобыле:
– Отзимовали, Карюха, живём!

Ну-ко пошли… Навались!
Жирным дёрном
Пласт отвалился, блеснув чернотой.

С хрустом холстинным лопались корни
Под деревянной скрипучей сохой.

Долог денёк за крестьянской работой.
Пышет, как печь, вековая страда.
Терпким мужицким пропитана потом
Каждая в поле его борозда.



Русский пахарь

Глава 4

СКАЗ ПРО ЗАМУЧЕННОГО В ПУСТОЗЕРСКЕ СИНБИРСКОГО ПРОТОПОПА НИКИФОРА

В XVII веке на Руси стала популярна Кириллова книга, где предсказывалось, что пришествие Антихриста на Русь должно было произойти в 1666 году, и многие старообрядцы склонны были считать таковым Антихристом патриарха Никона.

«Понеже Антихрист прииде ко вратам двора, – писал вернувшийся из сибирской ссылки протопоп Аввакум, – и народилось выблядков его полная небесная…»

Церковная реформа вызвала яростное возмущение со стороны части народа, который увидел в ней попытку разрушения устоявшихся многовековых представлений о религиозной жизни. Сопротивление реформам поддержала и значительная часть духовенства.

Синбирский протопоп Никифор был осуждён вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием к ссылке в Пустозерск, место «тундряное, льдистое и безлюдное». В Пустозерск прибыли 12 декабря 1667 года.

«Меня и Никифора – протопопа, – пишет Аввакум, – не казня, сослали в Пустозерск». Сам указ о ссылке подписан 26 августа 1667 года. На следующий день Лазаря и Епифания казнили на Болоте (Замоскворечье), урезав им языки.

В четвёртой челобитной царю Алексею протопоп Аввакум пишет: «Прости же, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, а недоумением содержим есмь; помышляю мои деяния и будущего судища ужас. Брат

наш синбирский протопоп Никифор, сего суетного света отоъиде; посем та чаша и меня ждет…»

Это случилось около 1668 года.

СКАЗ ПРО ПРОТОПОПА АВВАКУМА

– Доколе нам мучение, доколе?
– До смерти, протопопица, терпи.
Сияет снег, слезя глаза до боли,
Вокруг тайга, гранитные столпы.

Даурия! Медвежий гиблый угол,
Отсюда враз не кинешься в бега.
Край инородцев и шаманских пугал,
Приисканный для сбора ясака.

Ни тёплых изб, ни храмов, ни погостов.
Тоска такая, хоть молись на куст.
Здесь ни один евангельский апостол
Не отворял для проповеди уст.

Повсюду власть язычника мороза.
Промёрз возок походный, точно гроб.
По следу воеводского обоза
Бредёт с семьёй мятежный протопоп.

Под ветхой шубой греется иконка.
Господь воздаст страдающим в миру!
Заиндевела, смёрзлась бородёнка
От укоризн заблудшему царю.

Он вытерпеть готов и боль, и холод,
Для истины единственной своей.
Русь расщепила трещина раскола,
Нет единодушья больше в ней.

Людская кровь сочится из разлома,
И губит души дьявольский обман.
Русь вопиет, но нет Господня грома
На предавших Христа никониан!

– Умру за аз единый, за двуперстье,
Никонианство есть бесовский глум!

За древнее родное благочестье
Несёт свой крест мятежный Аввакум.

Он весь горит от истового пыла,
Огонь сочится с воспалённых губ.
Им сотворённых слов святая сила
Тенями близких населяет сруб.

И вкруг него слезят глаза до боли
Снега, снега… Гранитные столпы.
– Доколе нам мучение, доколе?
– До смерти, протопопица, терпи.

СКАЗ ПРО БЕГЛОГО

Таясь в ночи, он переплыл Суру.
Разжёг костёр и высушил одежду.
И, пожевав краюшку, поутру
Пошёл на юг искать свою надежду.

И вдруг наехал на него разъезд
Сторожевых казаков из станицы.
И в Корсуне, столице здешних мест,
Он брошен был в подвал сырой темницы.

Наутро его вывели на свет
И к сапогам швырнули воеводы.
И он услышал сверху: – Подлый смерд!
Послать его в засеку, на работы!..

Ему на съезжей дали батогов,
Затем – горшок с казённым тухлым просом.
До Покрова он рыл в Уренске ров,
Ходил в Казань с пороховым обозом.
И вновь бежал – на Волгу, в Жигули,
Мечтая о счастливой лучшей доле.
Все обошёл окраины земли,
Немало басурманской крови пролил.

Он пожил всласть.
Все восемь полных лет
Катилась жизнь в разбойничьем угаре,

Пока совсем не затерялся след
В Стамбуле, на невольничьем базаре.

СКАЗ ПРО ВИДЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Потемнев лицом, что морёный дуб,
Иоанн сидит,
Тяжело глядит он за Земщиной.
Ало складка губ
Под усы бежит змейкой-трещиной.
Не утешится сердце вещее
Ни вином хмельным,
Ни наветом злым…

Пир гудит-шумит,
Пьёт и млад, и стар,
В головах угар,
А в сердцах пожар…
Вдруг услышал царь
Шепоток в ушах.
Обуял его небывалый страх:
«Не почестен пир –
Воровской стан.

Каждый сладко льстив,
А душой поган.
Послетались на пир
Злыдни – вороны.
Разлетятся кровянить
Отчи стороны.

Ой, заплачет Русь,
Мать заплачет.
Всех опричина заест,
Особачит.
И калики побредут –
Дайте корочку…
И царевича убьют,
Дмитрия… ребёночка…»

Как взвопил Иоанн:
«Дьявол, дьявол – прочь!
Твой отец – обман,
Мать – сырая ночь.
Сгинь! За кровь
Я душой плачу.
Богу дать ответ
Я за всё хочу…»

И выходят все.
Солнце клонится.
Стольный град Москва
В тьму хоронится.
Государь один…
Сердце жжёт вина…
Звёздный луч блеснул
На стекле окна
Слезой пьяного.
Бог простит его, окаянного…

СКАЗ ПРО ЧУМУ

-1-

Всё полынь, да ковыль, да полынь…
То жара, то морозная стынь.
Ветер хлынет – и пыль заклубится.
Из песков азиатских равнин
Время чёрному мору явиться.

Зреют в норах бубоны чумы.
Как орда, ниоткуда из тьмы
Мор идёт в европейские страны.
Кверху брюхом лежат тарбаганы.

Час живому настал – умереть.
На дорогах гниющие трупы.
И кочевников хриплые трубы
Возгласили про чёрную смерть.

Впереди мора крысы идут.
Ими взят астраханский редут.

Миллионы хвостатой пехоты
Смерть и ужас в Россию несут,
Чтоб её обезлюдеть народы.

Крысы лавой идут на Москву,
Переносчики чёрного мора.
И чума косит люд, как траву,
Не щадя никого, без разбора.

-2-

Зимой в степи был джут: снега и льды
Сковались в наст, что не пробить копытом.
И вымерло в Ногае пол-орды
В году давно беспамятно забытом.
И в град Синбирск,
Чуть кончилась зима,
И жаром из степей едва дохнуло,
На спинах крыс бубонная чума
Тайком вползла, минуя караулы.

На Троицу был жаркий ясный день.
Ни облачка на небе не сияло.
Вдруг чёрная стремительная тень
Над городом внезапно пробежала.

На паперти юродивый вскричал
И наземь опрокинулся в падучей.
Лишь он один в мелькнувшей чёрной туче
Наездницу, что это смерть, узнал.

И всех вокруг объял ознобный страх,
Предчувствие недоброго начала.
Чума пришла в Синбирск и на костях
Всё лето и всю осень пировала.

Был на земле великий мор и глад,
Что до сих пор их люди не забыли.
Пришла зима и опустевший град
Снега и вьюги саваном покрыли.

Глава 5

СКАЗ ПРО ОСАДУ СИНБИРСКА СТЕПАНОМ РАЗИНЫМ

-1-

Русь была некрепка.
И казак Стенька Разин
Поманил голытьбу на удачу и риск.
И свирепого бунта пошли метастазы
На Москву,
Но запнулись о верный Синбирск.

Город был возведён
Как форпост на востоке,
От набегов разбойничьих стража и крепь.
Он стоял на обрыве, крутом и высоком,
И сторожко глядел на немирную степь.

Стенька Разин поджёг
Русь святую низовий.
Пал Царицын,
Саратов, Самара – вослед.
И дохнуло пожаром и запахом крови
На Синбирск,
И крутым приближением бед.

– Вор у стен, –
Доносил своему государю
Князь Барятинский, –
Выжжен посад.
Сдан стрельцами острог,
Но снесём эту кару,
Уповая на Бога
И строй иноземный солдат.
Но Господь не помог.
И бежал по Казанской дороге
Князь, и с ним недобитая рать.
На казацком кругу,
В синбирянами сданном остроге,
Решено было крепость осадою брать.

А пока
Распустил Стенька Разин загоны
По округе, чтоб гнёзда дворянские жгли,
И казачьи повсюду вводили законы,
И рабов превращали в хозяев земли.

И стекались к Синбирску
Несметные толпы.
И кипели, как брага,
От хмеля и зла:
Казаки, бурлаки, бобыли и холопы…
Жажда мести и воли
Их на приступ вела.

Целый месяц Синбирск
В круговой был осаде.
Но не дрогнул державный

Двуглавый орёл.
А в Казани Барятинский новые рати
Собирал
И на выручку городу шёл.-2-

И октябрьским утром
Сошлись они в пойме Свияги,
Где клубился в кустах тальниковых туман.
И врубились в ряды царских воев казаки,
Впереди – на гнедом жеребце – атаман.
Мужичьё накатило
С дубинами, вилами.
И всю пойму накрыл
Лязг железный и рёв.
Рабья Русь и дворянская
Мерились силами.
И стекала в Свиягу
Безумия кровь.

Вопли ужаса, стоны
И конские храпы,
Топот толп,
Самопалов пальба.
И катилось ослепшее солнце
На Запад, и неведомо было,
Кому улыбнётся судьба.

Заскрипели ворота в кремле.
Из ограды
Осаждённые ринулись
Разинцам в тыл.
И ударили дружно
Стрельцы из засады,
И удар этот участь сраженья решил.

Уцелевшие
К чёлнам в подгорье бежали,
Но немногие к ним
Второпях добрались.
Как снопы,

Казаков побеждённых вязали,
И к земле бородами
Бросали их ниц.

Бунт есть бунт.
Усмиренье не знает пощады.
Только смерть
Тем, кто вольно надеялся жить.
Пробил час неизбежной,
Свирепой расплаты
За разбойную волю,
За безумную прыть.

И всю ночь
Топоры на подгорье стучали
Под луной, чей кровавый таращился лик.
И глаголи над Волгой рядами вставали,
И качались пеньковые петли на них.

-3-

Восстание повержено,
Разбито.
Горит Синбирск
Под колокольный звон.
Так закатилась
Стенькина планида.
Он, бросив всех,
Бежит на вольный Дон.

Что ранен –
Не казачье оправданье.
Погибшими
Завалены все рвы.
Ещё немало, налетев по-враньи,
Накосит смерть народу, что травы.

Вокруг него –
Соратников ватага.
И у судьбы –
Для всех готов расчёт.

Их побратали вольность и отвага,
А разлучит московский эшафот.
Но кажется,
Что смерть ещё не близко,
А воля и судьба всегда с тобой.
Летит стружок,
И зарево Синбирска,
Как солнце,
Закатилось за горой.

Сияет вечность
Ясной звёздной пылью.
И жизнь – мгновенье
В вековом кругу.
И мыслит Стенька:
– Обрету я крылья,
И снова Русь с Поволжья подожгу!

Она ж темна, Россия,
И слепа...
А дальше так,
Как выпадет судьба!

Степана Разина везут на казнь

СКАЗ ПРО СТЕПАНА РАЗИНА ПОЭТА ДМИТРИЯ САДОВНИКОВА

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И весёлый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» –
Раздаётся по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился –
Сам наутро бабой стал...

Ошалел...» Насмешки, шёпот
Слышит пьяный атаман –
Персиянки полонённой
Крепче обнял полный стан;

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови чёрные нависли,
Собирается гроза.
«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков

От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, –
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает

Полонённую княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка-чёрт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин её души!..»

СКАЗ ПРО ОТШЕЛЬНИКА

На Венце по-над Волгой пещера,
Потаённый приют старовера.
Две доски да охапка соломы,
Да иконка, да книга святая.
А над Волгой – то вьюги, то громы,
Редко вёдро, всё непогодь злая.

В Пустозёрске сожгли Аввакума.
Стенька Разин спалил пол-Синбирска.
Сердце гложет кромешная дума:
Суд Господень, неистовый, близко.

Он глядит из норы на раздолье
Волжских плёсов, осенние дали,
На плоты, где на каждом глаголи:
Восхотелось детинушкам воли,
Да пеньковый ошейник достали.

– Это нам за грехи наказанье, –
Мыслит старец, – свершились знаменья.
Всё свершилось согласно Писанью…
Все до буквы сошлись Откровенья.

И ложится на доски у входа,
На груди скрестив руки смиренно,

Дожидаясь безмолвно ухода
В край, где жизнь и чиста, и нетленна.

СКАЗ ПРО ЕМЕЛЬЯНОВУ ПТАХУ

Из земли
Здесь вставали бунтарские грозы,
И кровавой надеждой
Питалась заря…
Вот везут,
Вот везут по синбирскому взвозу
В кандалах и железах
Надёжу – царя.

Свищет кнут,
И крутые бунтарские выи
Возлюбила петля
Да топор палача.
Вот везут,
Вот везут по дорогам России
В зарешёченном троне
Царя – Пугача.

Тяжелы,
Словно скипетр государев,
Колодки.
Опостылел и солнца
Державный венец.
Вот звенят,
Вот звенят цепей кованых чётки:
– Отгулял, отгулял,
Молодец - удалец!

Блещет взгляд Пугачёва
Державною сталью.
Поезд царский послушно
Встречает народ,
Но не кличем заздравным –
Молчаньем повальным.
Только птица
На клетке царёвой поёт.

И откуда взялась
Эта дивная птаха?
Из казачьего ль сердца,
Из воли степной?..
Но выводят царя,
И граф Панин с размаха
Бьёт его по лицу
Пухлой барской рукой.

Но нельзя развенчать
Казака Пугачёва,
Коль его до царя
Возвеличил народ.
И звенят
От пощёчины барской оковы.
И стучат топоры,
Громоздят эшафот.

Размахнулся палач…
И упала на плаху
Голова.
И народ ужаснулся над ней:
Из груди Емельяновой алая птаха
Взмыла вверх –
Выше древних московских церквей!

Емельян Пугачёв

Глава 6

СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ В СИНБИРСКЕ ЧАИ ГОНЯЛ

Жили-были синбиряне в полной уверенности, что до бога высоко, до царя далеко. А тут на тебе!.. Воевода Хрущёв и все именитые горожане заворожено смотрели на Волгу, по которой шла армада парусных и гребных судов, наполненных солдатами гвардейских и линейных полков, и среди них царская галера под громадным белым парусом, над которым, на конце мачты, трепетал Андреевский флаг.

Воеводу Хрущёва будто в голову бревном шибануло: сигнал пушкарям подавать! Он потянул из-за пазухи белый плат, но поручик, командовавший крепостной артиллерией сам догадался. Медные единороги сделали залп, потом второй, третий, вершина Синбирской горы закудрявилась белым дымом, а с армады в ответ грянуло, потрясая окрестности:

– Виват! Виват! Виват!

Суда с полками прошли мимо Синбирска, а царская галера остановилась возле пристани. С неё спустили шлюпку, в которую сошли государь Пётр Алексеевич, его супруга Екатерина Алексеевна, генерал-адмирал граф Апраксин и ближний вельможа Толстой. Когда государь ступил на синбирскую землю, опять троекратно ударили единороги и во всех соборах и церквях зазвонили колокола. Император и императрица приняли благословление от соборного протопопа и недовольно посмотрели на встречающих, которые все пали на колени.

– Подыми, воевода, свою братию, – сказал царь. – Нечего на коленях по песку елозить. Поклона вам мало, всё норовите башкой в землю уткнуться!

Первым опамятовался именитый купец Борис Твердышев. Вскочил на ноги, схватил серебряную братину с золотыми червонцами и просунулся к царю:

– Прими, государь, от синбирского купечества!

Пётр Алексеевич благосклонно посмотрел на статного купца.

– Принимаю, пойдём со мной чай пить. И ты, воевода, отряхнись и за нами следуй.

Императрица Екатерина Алексеевна с улыбкой смотрела на происходящее и радовалась, какие у неё послушные и любящие подданные, в других странах давно таких нет.

Государь сразу проникся к Твердышеву интересом, усадил его за столом по правую сторону от себя, а воевода Хрущёв на краешке стола примостился и с опасливым недоумением смотрел на стоявший перед ним на тонкой ножке бокал с вином – как бы посудину не разбить, сраму не оберёшься.

– Россия твёрдой ногой стала на Балтийском море, – сказал государь. – Теперь будем утверждаться на Каспии и Кавказе!

Подали закуски, в основном, всякую волжскую рыбу, пироги, сладости.

– Знаю о тебе, Твердышев, что ты богат, честен, но почему больших государственных дел сторонишься? – спросил Пётр Алексеевич.

Купец не смутился:

– Моё дело торговое, государь. Купец там, где прибыль, но я не только торгую. Суконную и винокуренную мануфактуру имею.

– Об этом мне ведомо, но это в размере всей России мелочь. Тебе надо, как Демидову, развернуться, нечего сиднем на синбирском бугре сидеть.

– Легко сказать, как Демидов, – вздохнул Твердышев. – В одиночку не осилю.

– Я тебе, чем не помощник? – улыбнулся государь. – Бери земли Каргалы в Оренбургской степи, там люди испокон веков медь добывали. Сколько запросишь земли, столь и отпишем на тебя. Крестьян для рудников и заводов отпишем. Ты только начни. А как привезёшь мне первые десять пудов добытой меди, так тебе и полное моё благоволение.

Твердышев задумался. О Каргалах он слышал, место окраинное, дикое, кругом немирные народцы, опасное дело предлагал царь, но внутренний голос прямо-таки вопил: «Бери, дурак! Второго раза такой удачи не будет!»

– Ну, как, берёшься за медь? – спросил Пётр Алексеевич.

– Берусь, государь! – уверенным голосом произнёс Твердышев.

– Вот это дело, – повеселел император. – Пётр Андреевич! Пиши указ: отдать купцу Твердышеву оренбургских земель сколь пожелает для добычи меди, и крестьян отпиши монастырских тысячу душ, нет, полторы!

Толстой поднялся из-за стола и поманил за собой Твердышева.

Синбирское чаепитие Петра Великого было недолгим, парус царской галеры наполнился свежим ветром, крепостные пушки ударили прощальным салютом и зазвонили колокола соборов и церквей, невиданное доселе торжество встречи государя закончилось.

Неведомо нам, как зачинал Борис Твердышев своё великое медное дело и привёз ли Петру Алексеевичу обещанные десять пудов меди? Но в царствования «кроткия Елизавет» и Екатерины II он, а затем его сыновья Яков и Иван в компании с Иваном Мясниковым, который был женат на его сестре Татьяне, имели в Оренбургском крае громадные земельные пространства, рудники, медеплавильные заводы, десятки тысяч крепостных крестьян. Вся русская медь того времени была их медью. По

сути дела они занимались добычей денег, ибо почти вся ходячая монета была медной.

СКАЗ ПРО ДЕРЖАВНЫЙ ТОПОР ПЕТРА ВЕЛИКОГО

-1-

Великий Пётр был остёр
Не только на бумаге.
Он крепко в руки брал топор
На верфи и на плахе.

Набатом каждый бил указ
Над затхлой стариною.
Он поднял русской жизни пласт,
Утоптанный Ордою.

И вёл победные полки,
Увенчанные славой.
Сияли русские штыки
Под Ригой и Полтавой.

Россия встала в полный рост,
Тем изумив Европу...
Царь не жалел чинов и звёзд
Толковому холопу.

Он по-хозяйски, как избу,
Срубил стране основу.
Предугадал её судьбу
И в путь отправил новый.

Он верил в русскую звезду.
И в труд свой дерзкий верил.
Людское горе и беду
Великий Пётр не мерил.

И гнал народы в топь и глад.
В болотной невской яме
Он замостил престольный град
Крестьянскими костями.

И что он сделал топором,
То зачеркнуть нельзя пером.

СКАЗ ПРО КОНЧИНУ ПЕРВОГО ИМПЕРАТОРА

– Оставьте все, – рука Петра
Упала, фразы не осилив.
Ночь наступила для царя
И самодержца всей России.

Все – это целый русский мир
За невским утренним туманом,
Урал, и Север и Сибирь
С могучим рёвом океанов.

Смешенье рас и языков,
Богов, обычаев и нравов.
Победный свет полтавской славы.
И звоны каторжных оков.

Былая Русь пошла на слом,
Расчищен путь для дел грядущих.
Кто сможет охватить умом
Наследство это из живущих?..

Вокруг одра, где Пётр лежит,
Сияют ближних бриллианты.
Нахмурясь, Меньшиков глядит
Нетерпеливо на куранты.

Он слышит злобный шепоток

И в гневе напрягает жилы.
Он знает, кто в России бог,
За кем стоят сегодня силы.

Полощет ветром русский стяг.
К дворцу царя, чеканя шаг,
Идут колоннами гвардейцы –
Семёновцы, преображенцы…

Глава 7

СКАЗ ПРО СИНБИРСКОЕ СВАТОВСТВО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Сказывают, что после кончины суматошного императора Петра Алексеевича, поднявшего Россию на дыбы и перетряхнувшего весь уклад жизни государства, настали тихие почти дремотные времена. И очень скоро навыкло российское барство жить под мягкой женской рукой, и другого счастья себе не искало. Но когда почила в бозе императрица «кроткия Елизавет», выскочил на престол, как чёрт из табакерки, голштинской выделки Пётр III , седьмая вода на киселе от Петра Великого. Так ему в один час гвардейцы братья Орловы на Ропшинской мызе свернули шею. И с воцарением его супруги, будущей Екатерины Великой, пролились на российское барство неслыханные благодеяния: вышел указ о вольности дворянства, что служить отечеству оно может только по своей охоте и власть над крепостными у него полная и безраздельная.

Возликовали и наши синбирские помещики. Совестливые дворяне стремились служить в гвардии или в линейных полках, но большинство оказались домоседами: залегли в своих поместьях, как медведи в берлогах, и носа, даже в Синбирск, не кажут, благоденствуют себе в родовых имениях.

В самом граде тоже кое-какие перемены случились: учинили вместо приказной избы несколько канцелярий, ратушу для учёта купцов и ремесленников, и чиновничья вошь начала плодиться на тягость простому люду. Там, где раньше приказной выжига за составление прошения брал пятачок, теперь канцелярский служка хапал полтинник. Купцам вроде послабление вышло, построили их по разрядам – гильдиям, у кого какая мошна. Почта появилась, одно время цифирную школу завели, учить недорослей грамоте и счёту, так желающих учиться из дворян почти не нашлось, стали учить в ней солдатских детей, тех можно было силком заставить, да и пороть их можно, если урока не вызубрят.

В этом довольстве собой и бахвальстве застала государыня Екатерина синбирян в лето 1767 года. Весь день она занималась делами, а у графа Орлова тем часом из головы не выходила мысль, как развеселить свою царственную подругу.

Он стоял возле окна в коридоре и смотрел, как одна за другой

покидали покои государыни её камеристки. Помедлив, он двинулся к заветным дверям, но возле лестницы его остановило какое-то шуршание. Он откинул портьеру и увидел прижавшуюся к стене хорошенькую девицу, которая зарделась, как маков цвет.

– Ты кто такая? – спросил Орлов.

– Я хозяйская дочь, ваша милость, Екатерина.

Граф улыбнулся. Чудно ему показалось – опять Екатерина.

– И сколько ещё таких розанов здесь произрастают?

– У батюшки моего нас четверо.

– И все так же прекрасны?

По-гвардейски привычно схватил девицу в охапку и поцеловал в губы.

– Ах, сладка ягодка!

Девица убежала вниз по лестнице, а граф задумался, почесал затылок и радостно улыбнулся – его осенила блестящая идея, чем занять государыню. Вошёл в покои, увидел свою Катерину, убранную ко сну, в прозрачной батистовой рубашке, подхватил на руки, закружил.

– Нашёл я тебе заботу, матушка! Всю твою грусть, скуку окаянную, как рукой снимет! Нужно заковать четырёх девиц в крепкие оковы!

– Это как же они провинились?

– Ох и провинились! Представь: молоды, с лица далеко не дурны, за каждой два завода, двадцать тысяч душ, миллионы рублей серебром да золотом. Немедленно возложи на них узы Гименея!

– Ты предлагаешь мне быть свахой? – государыня рассмеялась. – Завтра ведь у нас куртаг. Озаботься, Гришенька, чтобы наши хозяева были.

В дом Мясникова съехались самые родовитые синбирские дворяне, занесённые в шестую часть Бархатной книги российского дворянства. Государыня, встречая гостей, милостиво улыбалась. Ни обеда, ни возлияний на куртаге не предполагалось, это было время общения избранной знати со своей повелительницей, и приглашение на него означало причастность к самому высшему кругу лиц и крайнюю близость к трону. Но сегодня был вечер, где главное внимание уделялось не потомкам Рюрика и Гедемина, а Мясниковым. В карты ни Иван Семёнович, ни Татьяна Борисовна не играли, и на сегодня ломбер был оставлен. Музыканты играли длинный польский или полонез, кавалеры и дамы дефилировали с ритмическими приседаниями по залу, а всё общество, глядя на танцующих, приосанивалось, видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым.

Екатерина была великая мастерица вести всякого рода переговоры.

– Я слышала, – сказала она Мясникову, которого не отпускала от себя ни на шаг, – у тебя много красного товара имеется, а у меня – добрые молодцы?

Ивана Семёновича окатило жаром, он сразу понял, о чём идёт речь, и не стушевался.

– Товар имеется красный, да только по плечу ли он молодцам будет? Мы люди простые, наукам не обученные.

– Полно тебе, Иван Семёнович, – улыбнулась государыня. – Не след тебе прибедняться. Всё от твоего слова зависит.

– С превеликой благодарностью вручаю судьбу дочерей вам, ваше величество, – сказал Мясников и прижался губами к милостиво протянутой руке императрицы.

И начались свадьбы: и в Синбирске, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Мужья получили жён с большим приданным, Екатерина развеяла синбирскую скуку, а граф Орлов был доволен удалением своих вероятных соперников. Синбирское сватовство Екатерины – редкий случай, когда все остались довольны. Призвание государей – видеть своих подданных счастливыми, и Екатерине это удалось сделать в граде Синбирске, славном и похвальном.

СКАЗ ПРО ИСТОРИКА КАРАМЗИНА

-1-

Век восемнадцатый безбожный,
Паденье нравов и святынь.
И свет масонства – мёртвый, ложный –
Изведал юный Карамзин.

Попав в объятья Новикова,
Вдохнул мистический туман,
Способный с толку сбить любого,
Но не поддался на обман

Людей учёных, без сомненья,
Но склонных к тайной суете,

Сказав, мол, жаждут просвещенья,
А пребывают в темноте.

Что в нём их дух не обитает,
А тот, что был, давно прокис.
И ум его всегда питает
Обычный русский здравый смысл.

Что он не падок на обновы
И в жизни ценит простоту.
В масонстве видит пустоту,
И в оной духа нет святого.

-2-

История России не погост,
Для русского она живая книга,
Как, спотыкаясь, шёл державный рост
Всего, что есть, от мала до велика.
Он оживил минувших лет теченье,
И мысль свою направил в высоту.
Вся от истоков Русь пришла в движенье,
Ход набирая от листа к листу.

И оживала под пером бумага,
Чтоб прошлое не стало мёртвым сном.
Не ведая пристрастия и страха,
Поведал нам историк о былом.

От книги к книге мощь державы крепла.
И озаряя миллионы лиц,
Слова вставали из огня и пепла,
Герои поднимались из гробниц.

История России величава,
Как Божий храм, который Карамзин
Возвёл трудом монашеским один,

Чтоб воссияла русская держава.

-3-

Карамзин был божественной пробы,
С Геродотом размахом сравним.
Указал он дороги и тропы
Россиянам к истокам своим.

И помог им не только былое
Обрести, а надеждой горя,
Недостатки державного строя
Он в «Записке…» довёл до царя.

Государь их прочёл и сурово
Начертал на странице ответ:
«На Руси все крамольны обновы,
И они государству во вред».
Годы славные, годы лихие –
Всё на свете имеет свой срок.
И не царь правит грешной Россией,
Ей владеет как вотчиной Бог.

Карамзин был державного роста,
Духом твёрд, но душою раним.
Разговаривать было непросто
Самодержцу российскому с ним.

-4-

Историю страны творит народ
Усилиями сотен поколений.
Но воссоздать её державный взлёт
Способен лишь великий русский гений.

Таким был Карамзин. Ему судьба

Минувшее провидеть даровала.
И музы Клио вечности труба
В его твореньях веще прозвучала.

России славу гений вострубил,
Не отвергая сумрачных преданий.
И предков для потомков воскресил
Во всей красе и мужестве деяний.

Веками сохранялась эта связь…
Но в наши времена растленья духа
С тревогою они глядят на нас,
Чьим делом стали смута и разруха.

Не дотянуться нам ни в чём до них,
Не чтим мы предков мудрые заветы.
Нас обуял отступничества стих:
Оболганы великие победы,
И музы Клио вечности труба
Безмолвствует, коль гласа нет народа.
России поколеблена судьба,
И торжествует пошлая свобода.

СКАЗ ПРО НИКОЛЬСКОЕ-НА-ЧЕРЕМШАНЕ

Над гладью Черемшанского залива
Печально увядал светила лик.
Из сумеречных вод, сгущавшихся лениво,
Туманный силуэт дворца возник.

За копьями узорчатой ограды
(Я б не поверил, коль не видел сам)
Мерцали мрамором сквозные колоннады.
Как шлемы были башни по углам.

Журчал фонтан. Песчаные дорожки
Вели к крыльцу под каменным шатром.

За окнами порывисто и дрожко
Мерцали свечи трепетным огнём.

Играл оркестр. И в зале силуэты
В причудливых нарядах, париках
Под музыку скользили по паркету,
Беседуя на разных языках.

А рядом – стол, где яств был преизбыток.
Здесь царствовало под хрустальный звон
Токайское – любимейший напиток
Вельмож екатерининских времён.

О свежих новостях велась беседа,
Что чернью обезглавлен Людовик,
И, усмирив мятежного соседа,
Суворов обратил к французам штык.
За ломберным столом сдавали карты.
Четыре старца углубились в вист.
И вдруг – в саду захлопали петарды,
Взвились шутихи, сыпля гроздья искр.

А к берегу причаливали лодьи
С рожечниками, с хором, полным сил.
Хозяин всех гостей своих сегодня
Речной прогулкой угостить решил.

Всяк тешил, как умел, свою охоту...
Но занялась восхода полоса,
И каменный дворец ушёл под воду.
Утихла музыка, и смолкли голоса.

Костёр погас. Росы ознобной сырость
Сочилась из тумана на траву.
И я не знал: всё это мне приснилось,
Иль видел чудеса я наяву?..

Свет памяти минувших поколений

Внезапно вспыхнул и погас во мгле.
И, может, правда – всех ушедших тени
Блуждают на покинутой земле.

Глава 8

СКАЗ ПРО ПЕЩАНОЕ МОРЕ И ОСТРОВ СЧАСТЬЯ

Слушайте, синбиряне – большие и малые, молодые и старые – про дела небывалые, про то, как во славном и похвальном граде Синбирске, заспорили лет этак триста назад два игумена о том, какой он – рай. Один уверяет, что рай – это понятие мысленное, откроется человеку только в другой жизни. Другой твердит, что правда твоя, но есть и на земле рай, только даётся он не каждому.

Спорили, спорили и порешили найти сметливого человека, снабдить его на дорогу одёжей, припасами, дать ему денег полтину, затем крепкий тычок в спину, и отправить его искать заповедную страну, где нет зла, а правит добро, где все сыты, довольны, у каждого христианина земли вволю, и урожай сам-сто, и бояр с приставами нет, да и царя тоже, потому что в раю правят не государевы, а Божьи законы. Звали удалого молодца, как водится, Иваном. Очень не хотел Иван шастать по чужим краям, у него свадьба ладилась с одной раскрасавицей, что отпаивала парным молоком телят для архиерейского стола, но прознали про эту

телятницу шпыни, шепнули монастырскому келарю, и запечатал он Матрёну в самую потайную келью до Иванова возвращения.

И побежал Иван первой попавшейся под ноги дорогой через леса дремучие. Бежит день, бежит два… Степь кончилась, пошли пески зыбучие, жара окаянная, безводье. Но одолел всё-таки, вышел к реке, вода в ней чисто лёд, холодная. Достал из-за пазухи сухарь, размочил в воде, съел, стал оглядываться – осматриваться. Видит – едет берегом реки казак, папаха на нём белая, чекмень малиновый, сапожки козловые, сабля серебряная, копьё ясеневое.

– Будь здоров, казак! Мне бы ватамана увидеть надобно.

– Может, мне своё дело обскажешь?

Упёрся Иван, ни в какую, не хочет говорить ни с кем, окромя ватамана.

Засмеялся казак и говорит:

– Я и есть ватаман. И мне ведомо, зачем ты явился. Поедем ко мне в приёмный дворец.

Получил Иван от ватамана полную казацкую справу, доброго коня и в сопровождении дюжины казаков добрался до моря, сел на попутный торговый корабль и через несколько недель прибыл на остров Счастья, его дожидался встречальщик.

– Поспеши, Иван, старцы сошлись и готовы тебя выслушать!

На площади подле собора стояли вкруговую скамьи, и на них восседали одетые в белые одежды старцы. Поведал им Иван про спор игуменов и о своём пути на Пещаное море, и один старец за всех ему отвечает:

– Скажи, добрый молодец, высокочтимым отцам русской православной церкви, что ни о мысленном, ни о земном рае мы не ведаем. Мы живём по Божеским законам, как их нам Бог на душу положил. И у нас здесь решено, что все люди равны от своего рождения, и поэтому ни царя, ни патриарха, ни бояр ихних, ни другого дьяческого и подьяческого семени не держим. На нашем острове один господин – равенство во всём. Вот гляди: все жители у нас одинакового роста, примерно равной силы, стати, красоты и приятности, только одни чернявые, другие белявые. Грамоты мы не знаем, книг не читаем, потому что это – зловредное занятие, ведущее к гордыне и умопотрясению. Вместо книг у нас предания об отцах, дедах, прадедах, их славе и разуме. Чудный остров, дарованный нам промыслом Божьим, природу имеет, тоже склонную к равенству. У каждого хозяина всего рождается вровень:

пшеницы, огородных плодов. Овцы приносят по два ягнёнка, кобылы – по одному жеребёнку, коровы – телёнку. От такого Божьего расположения нет у нас бедных и богатых. Потому нет зависти, корысти, гордыни, преступлений, свар, нехороших слов в обращении. Для житья и работы у каждого есть своего в достатке, поэтому мы не одалживаемся друг у друга, не ходим друг к другу в гости. А все праздники встречаем вместе на этой площади за общими столами, после того как помолимся в храме. На праздниках и дома хмельного не употребляем, но все веселы и довольны. Хотя и не болеем, но,
приходит срок, и все умираем. А рая у нас, как видишь, нет.

– Ваш остров невелик, и весь Синбирск не поместится, – сказал Иван. – Но как на великой Руси порядки завести вроде здешних?

– На этот вопрос ответа дать сразу не можем, – сказали старцы. – Ходи по городу, смотри, разглядывай, а мы держать совет будем.

Походил-побродил Иван по городу, подивился на здешние порядки; за весь день ни одного бранного слова не услышал, ни одного пьяного не увидел, все люди вежливо с ним здоровались, потчевали разными фруктами.

Старцы, видно, весь день с мест не вставали, потные сидят, а для прохлады молоко пьют кокосовое.

– Слушай, Иван, наш приговор! – промолвил маститый старец, видимо, главный между прочими. – Передай своим игуменам, что ответа от нас им не будет. Они свой спор почерпнули из книг, а мы люди неграмотные, поэтому спросу с нас нет. Скажи ещё, что равенство на Руси быть не может, ибо русские люди изначала не сумели жить мирным общежитием, а поставили над собой царя, бояр, дворян, воевод, дьяков, приставов, старост, которые ими управляют или по праву рождения, или по силе наглости. И Русь с самого начала не освобождается от грехов и неправд, а копит их всё больше и больше. Всё на Руси повязано насилием и неправдами, и порвать эти цепи сможет только народный бунт. Когда-нибудь явится на свет атаман всея гулевой Руси, вздыбит мужиков на бояр и начнётся резня и великое пролитие крови. А теперь, Иван, ступай на корабль, он идёт в Царьград, затем в крымскую Кафу, а там и до Руси рукой подать.

Сел утром Иван на корабль и через два месяца был в Синбирске. Выслушали игумены Ивана, затопали ногами, забрызгали слюной и приказали отцу-эконому бить батогами Ивана на конюшне. Выдали Ивану сто батогов и бросили в горячий коровий навоз, чтобы отлежался.

Там нашла его телятница Матрёна и уволокла к себе в избёнку. Отмыла его настоем чистотела и спрашивает:

– Где же ты, Ванюша, пил-гулял? Меня, болезную, забыл, а я глазоньки выплакала, тебя поджидаючи.

– Не плачь, Матрёна. Разверни-ка мой кушак и достань подарок с Пещаного моря.

Развернула Матрена кушак, достала плат, накинула на плечи, и в избёнке стало светлым-светло.

Через несколько дён ушли они убёгом на Терек, к вольным казакам. Построил Иван камышовую хатку и стал казаковать. А Матрёна, что ни год, казаков да казачек ему рожала.

СКАЗ ПРО РАДИЩЕВА

Затяжно бушует ненастье.
Клубится промозглая мгла.
Не брезжит грядущее счастье
Во тьме всероссийского зла.

Державными светят орлами,
Летят верстовые столбы.
И рваными свищет ноздрями
Буран в пугачёвской степи.

Снег волчьими звёздами прыщет.
Конвойные смотрят во тьму.
И едет угрюмый Радищев
За Каменный пояс в тюрьму.

Скрежещут и стонут полозья,
Бубенчик поддужный звенит.
Просторной, безлюдной, морозной,
Россия навстречу летит.

И нет ни конца ей, ни края.
Повсюду кнуты, железа.
Радищев молчит и вздыхает,

Прискорбно сощурив глаза.

Повсюду согбенные выи,
Ужасные яви и сны.
Длинна непогода в России,
Ненастные ночи темны.

СКАЗ ПРО ЕРЕТИКА ЯКОВА ЯРОВА

Топоры по берёзам – туп! туп!..
Что, мужики, рубите?.. Сруб! Сруб!..
В дерево звонко стучит топор.
Берёза сухая – жарче костёр.

А вокруг посадская шныряет ребятня.
А вокруг зеваки позорища ждут.
Завтра на рассвете морозного дня
Здесь колдуна в срубе сожгут.

В клети острожной мечется тень.
Кандалы железные – звень! звень!
Кончилась ночь. Утро встаёт.
В красной рубахе палач идёт.

Сруб на Венце, по-над Волгой, готов.
Яр воевода. Ноздрёй сопит.
Яков Яров идёт без оков:
На дыбе изломан – не улетит.

Снег под лаптишками – хруп! хруп!
Якова Ярова бросили в сруб.
Искра упала в сухое сенцо.
Мать уронила в ладони лицо.

СКАЗ ПРО СИНБИРСКИХ БУРЛАКОВ

Отшумел на Волге ледоход.
Ребятня кричит, плескаясь в воложке.
На путину собрался народ –
Бурлаки, отпетые головушки.

Тянет влажным холодом с реки.
У дорог желтеют одуванчики.
И гудят в Симбирске кабаки –
Люд поят сметливые подрядчики.

Их наутро путь-дорога ждёт,
Лямочки с тяжёлыми расшивами.
Отходную празднует народ,
По рукам ударив с водоливами.

Путь на Нижний труден и далёк.
И на переходе между станами
Ноги им сожжёт горюч-песок,
Выстудит насквозь нутро туманами.

Не дождутся многих в деревнях.
Эх, судьба бурлацкая, ненастная!
На песчаных волжских берегах
Косточки белеют вплоть до Каспия.

Веселится-празднует народ.
Началась бурлацкая путина.
Завтра будут лямка, боль и пот.
А пока гуляй и пей, детина!

СКАЗ ПРО ЖАДОВСКУЮ ПУСТЫНЬ

Пустынна Жадовская пустынь,

Что простояла здесь века.
И под ногами хруст капустный
Уже морозного снежка.

Дымится речка Самородка.
Рябиновый пылает куст.
И вдруг пронзительно и чётко
Всем сердцем ощущаешь Русь.

Русь черноризную, что в кельях
Поклоны била о пол лбом.
Но мы на наших новосельях
Давно не ведаем о том.

Мы стали трезвыми до скуки,
Во всём преследуя расчёт.
Вот и родник. Вода на руки
Мои, ознобная, течёт.

Смотри и кайся… Весь проржавел
Безверьем, скукой, – ты устал.
О суетной судьбе и славе
Когда - то призрачно мечтал.

Но не обрёл в душе свободы.
Всё что ни делал, – пыль и хлам.
Сюда заехал мимоходом,
Мотаясь по пустым делам.

Вокруг покой. Снежинки тихо
Летят, кружась, звезда к звезде.
Но не увижу я, как Тихон,
Лик Богородицы в воде.

Когда - то он, упав на глину,
Вгляделся пристально в родник.
И лишь ему, простолюдину,
Открылось чудо в вещий миг.

СКАЗ ПРО КЛАДЫ СИМБИРСКИЕ

-1-

Над Волгой в Шиловской горе
Есть древний клад: в глухой норе,
Нечистой силою заклятой,
Людские кости, мёртвый прах.
И на серебряных цепях
Висит, распятый на столбах,
Большой бочонок, полный злата.
И серебра двенадцать нош,
Вокруг рассыпанные, то ж.
Клад запечатан. Кровь пролита
На вход из чёртова копыта,
И космы ведьмы сожжены...
Из меловой глухой стены
Медведь выходит и ревёт,
Лихих людей на клочья рвёт.
Но ты возьми травы разрывной,
Смочи слюною голубиной
Заветный папоротника цвет.
На камень кинь.
И брызнет свет.
Иди за ним вослед без дрожи.
Коль чист душой, то Бог поможет.

-2-

Чтоб клад открылся,
Добровольно
Три года перед тем постись,

Усердно Господу молись,
Пребудь смиренным и довольным.
Потом на Ундоровский мыс
Взойди и крикни:
«Расступись, земля сырая!»
Камень треснет.
Иди, зажмурясь. В тайном месте
Лежит казацкая казна:
Златые цепи, изумруды,
Пуды серебряной посуды
Набиты жемчугом чрез край...
Бери – и нищим треть раздай.
И треть пожертвуй церкви Божьей.
Лишь треть – себе. И не таи –
Не то ослепнешь, обезножишь,
И горьки будут дни твои.

-3-

В избушке ветхой на Часовне
Живёт старик, седой ведун.
Он колдунам мордовским ровня
По знанью тайных знаков лун.
Следи за ним! Крадись сторонкой,
Когда он с чёрною иконкой
Пойдёт по травам в лунный лес,
Скользя, как уж, вертясь, как бес...
На месте том, где он исчезнет,
Воткни с молитвой гвоздь железный.

И если кровь проступит в нём,
Мешок наполни серебром.
Но ведуну оставь полтину.
И гвоздь возьми – забей в осину!

Глава 9

СКАЗ ПРО ПРЕБЫВНИЕ ПУШКИНА В СИМБИРСКЕ

-1-

Изведал он презренье и гоненье,
Но ни умом, ни сердцем не остыл.
От тьмы земной его спасло стремленье
В поэзии достичь высот светил.
И мощным взлётом Гений подтвердил
Высокое своё предназначенье.

Его судьбы заветный пробил час.
Но вымолвил он слово не для вас,
Кто слеп и глух к его мечте и воле,
Кто захватил все должности, все роли,
Все почести, все славы…

Он другой.
Он Гений тех, кто видит Русь живой,
И в божьей справедливости счастливой.
Он Гений тех, кто верует в любовь,
И каждое его стихотворенье –
Освобожденье от людских оков,
От страстного земного притяженья.

Поэзии молитвенный посыл,
Ко всем, живущим в двадцать первом веке,
Что мощным взлётом Гений подтвердил
Божественное в каждом человеке.

-2-

Напрасный труд о Пушкине читать
Словоплетений путаное кружево.
Пора бы всем нам, наконец, узнать,
Что Пушкин приезжал в Симбирск не ужинать
К Языковым, Загряжским иль другим
Симбирским хлебосолам записным.

Иные чувства к нам его влекли.
Здесь зрело в нём пророческое слово.
Здесь, как вулкан, поднялся из земли
Народный бунт.
На царство Пугачёва
Венчал народ.
Восстание, как лава,
Катилось на Москву.
Здесь дрогнула держава.

Он вслушивался в строй разбойных песен,
И чувствовал, как зло вскипала в них
Кровь неизбежной, беспощадной мести.
Раскола кровь – на наших и чужих.

Поэт народа есть всегда пророк.
И здесь у нас на полосе тетрадной
Он записал:
– Не дай увидеть, бог,
Наш русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный!

-3-

Из многих на Руси делами славных мест,
Овеянных преданьем, благолепьем,

К Симбирску был особый интерес
У Пушкина:
Здесь древний русский лес
Граничил с азиатской степью.

Из марева её как волны шли и шли
Густые толпы меднолицых гуннов,
Сметая всё с поверхности земли
Тяжёлой поступью народов юных.

Им были ненавистны города.
Их возбуждали кровь и трупный запах.
Аттилы азиатская Орда
Обрушилась как Божий Бич на Запад.

И к нам из века в век насилье из степи
Шло, сея и раздоры, и измены.
И, как волков, на Русь спускал с цепи
Батыга - хан кровавые тумены.

Как знать, что мыслил, вглядываясь в даль,
Поэт, гуляя на Венце подолгу.
И Грозного царя России дар,
Внизу играла с островами Волга.

СКАЗ ПРО ДЕКАБРИСТОВ

-1-

Россию молодит начало века.
Сулит начало века мятежи.
В них зреет мощь
Для нового разбега
И взлёта русской мысли и души.
В Петре начало нашей доброй славы,
Не очернённой даже свистом розг.
И марши победителя Полтавы
В наш век ещё слышны,
Великий росс!
Забронзовев в полёте над Невою,
Он видел, как на ветреной заре
Другому веку присягнуло кровью
Расстрелянное пушками каре.
Бессилен бунт романтиков,
Поэтов,

И на колени брошены они.
Пять виселиц,
Пять скорбных силуэтов,
Навечно в память врезались страны.
Первопроходцы каторжной Сибири,
Гусары, презирающие страх,
Узнали горький вкус забойной пыли
В далёких забайкальских рудниках.

На прочность их испытывала жизнь.
И там, во тьме рудничной,
Словно знамя,
Как вздох свободы,
Строки родились:
«Из искры возгорится пламя...»

-2-

Но тьма ещё бездонно глубока.
Удел прозревших и угрюм, и страшен.
Спасает лишь любовь. Издалека
Зовёт свою любимую Ивашев.
Он цену одиночества вкусил
И равнодушья к умственным вопросам.
И под сибирским каторжным морозом
Любовь, одну любовь свою, хранил.
Как угли раскалённые, с пера
Слова стекают с потаённым пылом:
– Я жил, желая Родине добра,
Но что случилось, милая Камилла?..
Тоска на сердце тяжелей свинца.
А впереди – беспамятные годы.
Не знали мы России до конца,
Когда восстали для её свободы.

Сейчас же всё постиг я без прикрас
Мечтаний жарких и заумных прений.

Свобода, может, будет и у нас,
Но только через много поколений.

А жизнь одна...
Случайно, как свечу,
Её задует ветер Забайкалья.
Я так с тобой увидеться хочу!
Но даст ли Бог?
Надеюсь, но едва ли...

Он смял перо.
Опять – слова, слова...
О чём жалеть, ведь жизнь не повторится.
И в печку на смолистые дрова
Упали, вспыхнув, смятые страницы.

Скреблась в оконце, буйствуя, метель.
Плясали вихри снежные на крыше.
Он запахнул казённую шинель
И на крутой крещенский холод вышел.

СКАЗ ПРО СИМБИРСКИХ МАСОНОВ

В саду витает прели сладкий запах,
Грот освещён, и в нём вокруг стола
В передниках, перчатках, чёрных шляпах
Вершат масоны тайные дела.

Пустотами глазниц взирает череп.
Ногастый циркуль, молоток, свеча.
Испещрены символикою черен
И ножны ритуального меча.

И рядом гроб. Но что в нём – неизвестно,
Возможно, обиталище мышей.
Таинственность в скупых словах и жестах
Была дворянам юным по душе.

Не ведали они, во что играли,
К какой опасной близились черте.
Салонные мечты об идеале,
Пустая болтовня о доброте.

Без вольнодумства жить им было скучно,
Без умных книг Руссо и Кондорсе.
Хотя... за милу душу на конюшнях
Своих рабов они пороли все.

В передниках, перчатках, чёрных шляпах
Таинственный свершался ритуал.
Дворян симбирских просвещённый Запад,
Как нынче нас, новинками смущал.

СКАЗ ПРО ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Прекрасна поздняя любовь
На склоне лет, в седую зрелость.
Как шумно будоражит кровь
Поступков и речей несмелость!
Вон из деревни!

Вьётся пыль.
И коренник хрипит в запале.
Так жадно он давно не жил,
Забыв на время об опале.

С дороги – прямо в шумный дом.
По-молодому сердце бьётся.
Он звонко щёлкнет каблуком
И в полонезе с ней сойдётся.

Поправит молодецкий ус.
Обнимет нежный стан девичий.
Старухи шепчутся?.. И пусть!

Ему сейчас не до приличий.

Никто не знает всё равно,
Что эта дева – не забава.
Дуэли, женщины, вино –
Дурная у гусара слава.

Красавиц много покорил
Герой гитары и сражений.
И сколь всего присочинил
Для стихотворных упражнений!..

Но эта пылкая любовь,
Уже последняя, быть может,
И шумно будоражит кровь,
И сердце холодом тревожит.

СКАЗ ПРО ОГАРЁВА

Опять, мой друг, развалины былого
Я повстречал...
– Усадьба Огарёва?..
Мужик махнул вдоль улицы рукой.
Я грязь месил осеннюю... Бог мой!
Зияя пустотой провалов окон,
Стояли стен обломки...

Здесь он жил, предтеча революций,
Здесь любил,
Писал стихи, мечтая о высоком.
От податей крестьян освободил,
Устроил фабрику...
В Симбирске и столицах,
Как Герцен, стал он притчей во языцех.
И жаждал оказаться за границей
Своей отчизны на чужом пиру.

Из-за бугра народ звал к топору,
Который не держал в руках ни разу.
И «Колокол» – новейшую заразу –
Привил на неокрепшие умы.
Доказывал, что Русь есть царство тьмы
И скопище рабов... Всё выдержит бумага!
И кончил жизнь в семейных передрягах...

По мне бы, лучше жизнь он прожил тихо.
В симбирской глухомани, в Проломихе,
Плодил детей и набивал мошну.
Всё лучше, чем облаивать страну
Из лондонской осклизлой подворотни.
Но что о нём мы б ведали сегодня?..

СКАЗ ПРО ВОЛГУ

Обрыв над Волгой у Симбирска.
Мерцанье чаек в вышине.
И удаль разинского риска
В седой раскатистой волне.

Течёт река путём былинным
Сквозь поколенья, сквозь века.
Омыты свистом соловьиным
Её крутые берега.

Просторно сердцу, вольно взгляду...
И вспомнишь, глядя на волну,
Про атаманову усладу,
Про шемаханскую княжну.

Их обвенчал каспийский ветер,
Их разлучил казацкий смех.
Улыбку девы в лунном следе
Таит царица русских рек.

И кто расскажет, как любилось
Им под разбойничьей луной?..
Куда колечко закатилось,
Тяжёлой сорвано рукой?..

В крутой волне замес свинцовый.
Стихия волжская слепа.
Не избежать судьбы бедовой,
Ведь это русская судьба.

СКАЗ ПРО СЕРЁЖУ АКСАКОВА

Сыростью пахнет из леса.
Влажно блестит мурава.
Края земельного среза
Солнце коснулось едва.

Лают спросонья собаки.
Узенькой тропкой во ржи
Мальчик Серёжа Аксаков
С удочкой к речке бежит.
Душу сжимает волненье
И опадает огнём.
Первое стихотворенье
Робко проклюнулось в нём.

В солнечной жаркой полуде
Заводи тихая гладь...
Через полвека он будет
Эти часы вспоминать.

Вспомнит рыбачью охоту,
Белый дымок над рекой.
Русских лесов позолоту,
Запах грибницы сырой.

С трепетно жарким волненьем

Детские вспомнит года,
Первое стихотворенье,
Что родилось в нём тогда.

Путешествие А.Пушкина через Симбирск в Оренбург, 1833

Глава 10

СКАЗ ПРО ПОСЕЩЕНИЕ ПУШКИНЫМ ПОДВАЛА, В КОТОРОМ ПЫТАЛИ ПУГАЧЁВА

Узнав о приезде Пушкина, губернатор поднял на ноги прислугу, чтобы она навела порядок и чистоту в коридоре верхнего этажа и в портретной галерее, а также послал человека на помощь Степану в оранжерею, которую он хотел показать гостю как человеку, сведущему в искусстве. Было всего девять утра, и Загряжский после беспокойной ночи выглядел помятым, поэтому полностью отдал себя в руки Пьера, который за какой-то час сотворил из губернатора светского льва, каковым тот и предстал перед Пушкиным, когда тот, сияя белозубой улыбкой, вошёл к нему в кабинет.

Они пожали друг другу руки, затем Пушкин отступил на шаг и восхищённо вымолвил:

– У нас в Петербурге почему-то считают, что в Симбирске по улицам разгуливают медведи, но разве это может быть в губернии, где губернатор уже с утра смотрится лондонским денди.

– В России всего много, – легко хохотнул Загряжский. – Есть и денди, и медведи, но другого такого поэта как вы, Александр Сергеевич, нет. Пушкин один, и этим сказано всё.

– Полно меня хвалить, Александр Михайлович, – улыбнулся Пушкин. – Не спорю, что я один такой, но разве есть в России ещё один такой же Загряжский?

– Конечно, нет, – Загряжский подмигнул гостю. – Меня здесь за глаза называют ветрогоном за моё лёгкое отношение к жизни. Но разве она нуждается, чтобы о ней задумывались?

В ответ на столь глубокомысленное заявление Пушкин только развёл руками и вспыхнул белозубой улыбкой.

– Мне вспомнилось, что Симбирск – родина Карамзина, – сказал он. – Память о первом историке государства Российского должна быть увековечена. И это не только моё мнение. Два месяца назад государь позволил начать сбор средств на возведение памятника. И в Петербурге только на одном обеде было собрано, кажется, более четырёх тысяч рублей. Симбирскому дворянству надо просить государя, чтобы памятник Карамзину был поставлен на его родине.

– Я слышал, что этим делом занялись три брата Языковы, один из них, кажется, поэт.

– Я сегодня еду к нему, в деревню, – сказал Пушкин.

– До неё, говорят, не более чем сорок вёрст.– Мы надеемся, что вы не уедете, не отобедав с нами?

– Как можно отправляться в дорогу на пустой желудок! – засмеялся Пушкин. – А пока, с вашего позволения, я пройдусь по тем местам, что видели Пугачёва.

Будучи в Казани, Александр Сергеевич объехал места, связанные с кровавыми безумствами пугачёвской вольницы: Адмиралтейскую слободу, пущенную на огненный распыл башкирами Салавата Юлаева, городскую крепость, единственное, что осталось невредимым в буре пламени, дотла уничтожившим почти всю Казань, Арское поле, на которое, подкалывая пиками, согнали жителей, поставили их на карачки, и мужицкий царь с коня вопрошал, любят ли его ограбленные и

бездомные люди?.. Ответ был громким и утвердительным, Пугачёв призывно махнул рукой, и народу выкатили несколько громадных бочек с вином, к которым бросились все, а утром гренадёры подполковника Михельсона взяли пьяные толпы без разбору в штыки, и началась такая резня, что трупы запрудили речку Казанку, и она вышла из берегов.

По дороге в Симбирск эта ужасная картина не раз ему представлялась как живая, и всё существо поэта обжигала скорбная мысль, что судьба человека, а то и всего народа, может зависеть от игры случая. Откуда взялся этот Пугачёв, который никак не мог своим умишком прийти к решению объявить себя самодержцем всея Руси? Определённо его кто-то направлял, и этот вопрос занимал в своё время генерала Павла Потёмкина, который толковал по душам с вздёрнутым на дыбу мужицким царём и вынес из этой беседы твёрдое убеждение, что в Емельке нет ничего людского, а душа его насквозь прокопчена подлым духом ненавистника всего дворянского сословия.

В Симбирске Пугачёва содержали в подвале дома Пустынникова, перед которым стоял Александр Сергеевич, разглядывая почерневшие кирпичные стены, тяжёлые железные ворота, из которых дворник выметал опавшие с деревьев листья. Увидев Пушкина, он обнажил голову, поклонился и опять взялся за метлу.

– Скажи, старинушка, не здесь ли держали Пугачёва?

– Здесь, – подтвердил дворник. – В подвале его держали на двух цепях. Было бы что показывать, а там что?.. Мётлы, доски, бочки…

– Я на хлам глазеть не буду. Веди!

Подвальная камора, куда вошёл Пушкин, была довольно обширной и занимала примерно четвёртую часть от всего подвала. Дворник запалил смольё, Александр Сергеевич огляделся, но ничего интересного для себя не заметил.

– Не туда глядишь, барин, – сказал старик. – Подними-ка голову. Видишь кольцо в потолке? Вот, сказывают, на нём и вздёрнули Емельяна Ивановича, когда пытали.

Пушкин поднял голову и в мечущемся из стороны в сторону пламени от смолья увидел большое железное кольцо, намертво вделанное в кирпичную кладку. Через него палачи просовывали цепи, чтобы приподнять узника над полом, сорвать с его плеч рубаху и после заданного вопроса, не дожидаясь ответа, ожечь размашистым ударом сыромятного кнута.

Александр Сергеевич резко повернулся и поспешил выйти на свет. Дворник, не отставая, шёл следом. Возле ворот Пушкин остановился и отдал старику деньги.

– Я бы всё тебе показал, барин, только ничего больше не осталось от Емельяна Ивановича, лишь одно кольцо.

От дома Пустынникова к губернаторскому дворцу Пушкин пошёл по кромке крутого берега Волги, который был заметно обустроен: аллея между лип и вязов посыпана песком, имелось четыре фонарных столба и несколько скамеек, все свежевыкрашенные, каждая с дарственной надписью. Александр Сергеевич отвернулся от памятников человеческой глупости и тщеславию и сразу о них забыл, поражённый величественным простором Заволжья.

«Это уже не Европа, – подумал поэт. – В Европе такого простора нет и быть не может. Это – Азия, прародина всех европейских народов. Здесь, на Волге, находится рубеж между лесом и степью, и Грозный Иоанн, покорив Волгу от Верха до Низа, соединил в России две цивилизации – европейскую и азиатскую».

СКАЗ ПРО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА ГОНЧАРОВА

Не первый год ищу я ключик- слово,
Чтобы разгадать загадку Гончарова.
Он для меня таинственен своей
И мудростью, и глубиной прозренья
В характер русский, что до наших дней
Живёт в неспешной части поколенья,
На коем Русь державная стоит,
Пока другая часть волнуется, шумит,
На митингах поклоны бьёт свободе,
И на словах болеет о народе…

Нет смысла в торопливости пустой.
И я слова нашёл – «ж и в о й п о к о й».
Вот чем писатель русский был насыщен,
И поделился с каждым, кто очищен
От суеты, и зависти, и лжи,
Покоем русской мировой души

В своём «Обломове»…
Его прозренья мощь,
Всегда была великой русской силой.
Покоем Божьим Русь себя хранила.
И никакая Западная ночь
Над волжскими не встанет берегами,
Коль Гончаров всегда пребудет с нами.

СКАЗ ПРО АНДРЕЯ БЛАЖЕННОГО

-1-

Крадётся в город стужа.
Летит листва с ветвей.
Бредёт босой по лужам
Юродивый Андрей.

Всё небо в звёздах стылых.
На Русь грядут снега.
И свищет ветер в дырах
Худого армяка.

В мешке краюшка хлеба,
В кармане сахарок.
Он жадно смотрит в небо
И ждёт, что скажет Бог.

И чудо! – дух нетленный
Над ним прошелестел,
И пал он на колени
Пред тем, кого узрел.

Сияньем встрепенулась
Вокруг Андрея тьма.
И благодать коснулась
И сердца, и ума.

-2-

То пожары, то бунты, то глады
На Руси пребывали всегда.
– Без Святого не выстоять граду, –
Сокрушались, – и это беда.
Надо ждать, пока он родится,
И защитою станет для нас.
Будет время ему появиться
В предназначенный Господом час…

Много было в Симбирске лихого:
То чума обезлюдит, то бунт
Стеньки Разина иль Пугачёва
Вспыхнет – вырвать народы из пут.

Два столетья прошло с основанья…
Отпевали...
Крестили детей…
И людские сбылись ожиданья –
К ним явился Блаженный Андрей.

Это стало для всех божьим даром
Что, казалось, был дан навсегда.
При Блаженном Андрее пожаров
Не бывало почти никогда.

Но когда он скончался, то вскоре
Град Симбирск сгинул в огненном море.

СКАЗ ПРО СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ

Симбирск, тому всего два века,
Был важный «Город-дворянин».
Он с высоты крутого брега,
Смотрел как властный господин

На Волгу, что живой и людной,
Была с весны и до зимы,
Кормилицей и песней чудной,
Мечтой, ласкающей умы,

Что счастье явится к ним скоро,
И случай даст разбогатеть.
Хоть у судьбы всем без разбора
Одно лишь счастье – умереть,

Чтобы избавиться от страха…
Судьбы коварная игра –
Идти по жизни, как по плахе,
В конце не видя топора.

Но кто об этом знает в детстве,
Кто строит по расчёту жизнь?..
Мы в счастье верим
с чистым сердцем,
И потому стремимся ввысь.

Ведь русский – тот,
кто жив в надежде
По правде жить, хотя бы раз.
И наши предки были те же
Мечтатели, как мы сейчас.

Не надо их корить за ломку
Того, что отжило дотла.
Не мне – усталому потомку –
Судить великие дела.

Дела людей оценит время.
И точный даст на всё ответ.
Взойдёт ли Ленинское семя?..
Иль сгинет Русь в пучине бед?..

СКАЗ ПРО СИМБИРСКИЕ КОЛОКОЛА

Не избыть из души
Приснопамятных дней.
Как и всюду тогда
В государстве Российском,
Три собора
И тридцать приходских церквей
Возвышались призывно
Над градом Симбирском.

И светились, как звёзды,
Над ним купола.
И святые кресты
Негасимо сияли.
И гудели приподнято
Колокола
В дни вселенских торжеств
И вселенской печали.

Возвышалась пред ликом
Христовым судьба,
Обретая в моленьях
Полёт и свободу.
Из столетья в столетье
Россия себя
Сохраняла под сенью
Незыблемых сводов.

Не сломили устоев её
Мятежи,
Ни набеги,
Ни пропасть чиновной утробы.

Но пришли времена
Запустенья души.

Век двадцатый настал,
Равнодушья и злобы.
И не видно вдали
Очищающих дней.
Запустенье и мрак
В государстве Российском...

Три собора
И тридцать приходских церквей
Возвышались когда-то
Над градом Симбирском.

СКАЗ ПРО ВЕЛИКИЙ ПОЖАР, 1864

Сады над Волгой млели в лунном свете.
Земля и стены источали пыл.
Стояла сушь, и даже в полночь ветер
Набухших жаром крыш не остудил.

Ночь шла на убыль. Вновь звезда упала.
Проснулись петухи. Струился пар.
И над Симбирском зарево вставало,
Но это не заря была – пожар!

Сначала вспыхнул дом сухой берестой,
За ним – другой... И занялся квартал.
И, набирая мощь, стихии грозной,
Всё сокрушая, покатился вал

Огня и пепла. Задыхаясь гарью,
Метались люди в море огневом.
Семён искал Петра,
Иван звал Марью.

Мать в полымя рванулась за дитём.

Горело всё: деревья и заборы,
Взрывались крыши, падали мосты,
Пылали церкви, рушились соборы,
На колокольнях плавились кресты.

В огне и смраде пировало лихо.
Казалось, время судному концу.
И над Симбирском раскалённый вихорь,
Сжигая всё, как Змий, летел к Венцу.

Московский тракт усыпан был вещами
Людей, бежавших из своих домов.
Настало время скорби и печали
И покаянных запоздалых слов.

И не один Симбирск горел в то время.
Горели петербургские дворы.
Но ветер окаянства и безверья
Лишь только начал раздувать костры

Братоубийства и безбожной розни,
Посевов зла, из коих встала смерть.
И, может быть, понять ещё не поздно,
Когда Россия начала гореть.

Большой Симбирский пожар, 1864.
Глава 11

СКАЗ ПРО ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

- 1-

Морозные звёзды смолола
Метель на крутых жерновах.
И мчались, как белые пчёлы,
Над полем снежинки впотьмах.
Рыдал колокольчик поддужный,
Скрипели постромок ремни.
Из тьмы, беспокойной и вьюжной,
Таращились волчьи огни.
Как стража, столбы верстовые.
Двуглаво распяты гербы.
Одна лишь дорога в России
У правды и честной судьбы.
И чудились – звоны, да звоны,
Кандальные звоны теней.
И лики, печальней иконных,
Витали в потёмках полей.

Владимирка!
Песни, былины
Про вечно гонимый народ.
Ухабы избиты, как спины,
Безвестно ушедших вперёд.
Брели они с бритыми лбами,
С печальной надеждой в груди.
Века пронеслись за веками,
А горе, как прежде, в пути!

Машиною лязгнув, Европа

Царизму влепила под дых.
Кострищем пылал Севастополь,
Солдатскою славой велик.
Забиты окошки проливов.
Зарыты в суглинок сыны.
И стали видны все нарывы
На теле огромной страны.

Крым вырвал Россию из сони.
Все стали роднее на миг
Друг другу, услышав, как стонет
На павшем редуте мужик.
Испив свою чашу страданья,
Россия открыла лицо.
Пришли времена покаянья,
Ответа детей за отцов.
Москва, Петербург – две столицы –
Бурлили, вершили дела…
А здесь во Симбирской провинции
Плевалась окалиной мгла.
Сочился молозивный сумрак.
Дымки завивались из труб.
В потёмках, рассветных, угрюмых,
Маячили тени халуп.
Чернели плетни вдоль дороги.
Прах инеевый сыпался с крон.
И слышался чистый и строгий
Из церкви к заутрене звон.

-2-

– Ну, вот и приехали, барин!
Примерзла к земле тишина.
Навстречу, спросонок распарен,
Спешил со всех ног старшина.
– С прибытием, ваше…
– Ульянов…

Приезжий стряхнул с шубы снег.
– Директор училищ…
Престранный,
Учёный, видать, человек.
Без спеси, чиновного ору,
Смекнул волостной – простота.
По тропочке узенькой в гору
Пошли на сиянье креста.
Не школа, а слёзы –
Две лавки,
Да стол из шершавых досок.
В дешёвой латунной оправке
Лампада,
Задумчивый бог.

…Сходились неспешно, с оглядкой:
С какого прищучат конца?
Своим заведённым порядком
Вставали поодаль крыльца.
– Чего там надумали власти?
Опять, поди, новый оброк?..
Все знать непременно хотели,
Что власть припасла мужику.
Замёрзшие лапти скрипели
На жёстком январскому снегу.
По въевшейся в душу привычке
(Приезжий-то сам генерал!)
Попадали шапки мужичьи.
Ульянов рукой замахал:
– Покройтесь!
Я к вам за советом, за помощью…
Лес уже есть…
Построить бы надобно летом
Школу на тридцать мест.

Крестьяне молчали, хмурея:
Незнамое дело – как взять?
Опять на мужицкую шею

Хомут, и его притирать.
И солнечный полдень немилым
Покажется в спорах, пока
По делу столкуешься с миром
И с места столкнёшь мужика.
– А тёс как? А гвозди? А стёкла?..
– На восемь саженей хором!
Рубаха на госте промокла,
А всё ж настоял на своём.
Ульянов провёл своё дело.
Сочли по копейке рубли.
Пока отрядились, стемнело,
И звёзды вокруг расцвели.

И в путь!
Отдохнувшая пляшет
Пристяжка, дымясь куржаком.
Вдали за околицей машет
Ночная метель рукавом.
Ямщик засвистел:
– Эй, родные!..
В лицо брызнул колкий снежок.
И снова в потёмки России
Ввинтился скрипучий возок.
Стихии бурлящая воля.
Метелей крылатых полёт.
Ещё одно поднято поле,
Где знанье людское взойдёт.
Не сразу, не скоро –
Подспудно
Созреют добра семена.
Пока ещё спит непробудно
Державы родной глубина.
Салонные кончились споры.
За дело другие взялись.
Дымком динамитным террора
Пахнуло из дальних столиц.
Проклятие вечных вопросов.

И в них было русское всё:
Иль бомбы бросать под колёса,
Иль делать всю жизнь колесо?..
Мучительный гнёт самовластья
Придуман, иль сам он возник?..
О скорбное русское счастье –
Сжигать свою жизнь для других!
Не всем пьедестал эшафота
Достался. Немало людей
Сожгла беспощадно работа,
Чтоб стало в России светлей.

-3-

Умыла февраль непогода,
И месяц взошёл молодой.
И стал посылать на работы
Своих мужиков волостной.
Повинностью всех наделили,
Хоть ругани было и слёз.
Но в двадцать саней снарядили
Для вывоза леса обоз.

По зимней дороге не тряско
Катили с бугра на бугор.
За каждой торчал опояской
Испытанный в деле топор.
За пазухой хлеба краюха.
На дровнях верёвка, пила.
И мягче лебяжьего пуха
Охапка соломы была.

Просторно!..
И взгляд не охватит
Всю ширь. Голуба высота.
Снегов самобраная скатерть
Смотри, хоть ослепни, пуста.

Лишь копотью чёрной вороны
Осели в седой березняк.
И воздух, промёрзший до звона,
Скрипел на зубах, как наждак.
Подроста елового ровня
Взбежала на белый бугор.
Катили крестьянские дровни
В Присурье, в откупленный бор.

Неяркой латунной жестью
Закат застелил синий снег.
Крестьяне приехали к месту
И встали гуртом на ночлег.
Умяли лаптями поляну,
Костры развели – и вповал.
Наутро лесник им деляну
Деревьев мелком отсчитал.
За лесом вдали заалелась
Рассвета туманная гарь.
Они кипяточком согрелись,
Ржаной пожевали сухарь.
Чтоб не быть за душу в ответе,
Подальше коней отвели.
Деревья, литые из меди,
Гудели натугой земли.
В сосне, золотой и дебелой,
Старшой остриём топора
Зарубку широкую сделал,
Потрогал рукою – пора!

Примета старинная: сосны
Валили, когда из корней
Густой и янтарный, как солнце,
Сок двигался в перья ветвей.
Столетиями срубы не гнили,
Держались и в мокреть, и в студь.
И церкви, как лебеди, плыли
Над Русью и ныне плывут.

В мужицкие лица смолисто
Живицей пахнула кора.
Запела протяжно и чисто
Весёлую песню пила.
– Ну, с богом!
И острым разрезом
Вошли в древесину с боков.
Запричитало железо
В руках молодых мужиков…
– Пошла!
– Берегись!
Покачнулась
Земля.
Отшатнулся мороз.
Сосна до корней содрогнулась
И пала, ломая подрост.
И грохот пошёл по чащобе,
Тяжёлый, как медь, громовой.
Сохатый споткнулся в сугробе
И, молча, потряс головой.
Медведь потянулся в берлоге
И мох под бочину подгрёб.
Над лесоповалом сороки
Трещали по-бабьи, взахлёб.

– С почином!..
И в воздухе стылом,
Давясь древесиной, вразмах,
Качнулись певучие пилы
В надёжных мужицких руках.
И двадцать стволов враз упало.
И вздрогнул от грохота лес.
Лоснился,
Как жёлтое сало,
Исчерченный кольцами срез.
За комель петлёю – и в волок
Под хриплые выплески слов.

Морозные искры иголок
Посыпались с конских боков.
По вагам катали на сани
Тяжёлые брёвна. Обоз
Сполна нагрузили. В тумане
Три солнца сулили мороз.
С них наземь текла позолота
Процеженной стужей с небес.
Поели, и снова работа:
Везти заготовленный лес.
Истёрта спина, в кровь избита,
Но надо тянуть, коль велят.
Упёрлась в четыре копыта
Кобыла, а дровни стоят.
Мужик навалился. Полозья
Скрипуче запели, пошли.
Простором пахнуло морозным.
Вечерние тени взросли.
На небе взошла самосевом
Звезда, как цветок на лугу.
Дорожным синичьим напевом
Свистели полозья в снегу.

- 4-

Заботы, тревожные думы…
Ульянов работой горел.
Скупы подотчётные суммы,
А столько задумано дел!
Крестьянство бедно, а помещик
Уж сыт либеральной игрой,
Да мало ль в России есть трещин,
Куда утекает добро?..
В обычае кражи и взятки
(Пример как из нынешних дней).
За что бы ни взялся – нехватки:
Ни денег, ни нужных людей.

Спасенье – листы подписные,
На дело годился и грош.
Щедра добротою Россия,
Но много ли с нищих возьмёшь?..
Крестьянин долгами стреножен.
Никак не возьмёт себе в толк:
Всю жизнь проработал
И должен.
И внукам останется долг.
А век-то мужицкий недолог,
Сорвал пуповину – остыл.
Но поп, как любой идеолог,
Всем вечное счастье сулил.
И с миру по нитке, что голым,
Жалея крестьянских детей,
Собрали на новую школу
Почти сорок восемь рублей.

Ульянов прикинул расходы –
Пособия, парты, доска…
Не раз подсчитал все работы
На жёлтой осьмушке листа.
За свой счёт община построит,
Она ж педагога наймёт…
И нет от раздумий покоя,
И в голову сон не идёт.
Закроет глаза он –
В тумане,
Как спелый подсолнух,
Пред ним
Встает невеликое зданье
С шатровым
Крылечком резным.
Вкруг гомон, ребячий, весёлый.
В цветке золотится пчела.
Такую построить бы школу,
Чтоб дома роднее была!

Не спится.
Поднялся с кровати.
К столу подошёл, торопясь.
И начал в рабочей тетради
Чертить всё, что видел сейчас.
Не то.
Зачеркнул.
Постепенно
Из плена бумажного ввысь
Прозревшие окнами стены
С крылечком резным поднялись.
Вкруг дома вставала ограда,
За нею и пчельник, и сад.
Наличников ярких оклады
Резьбой оживили фасад.

Чертёж получился отменный.
Илья Николаевич встал.
Окно распахнул.
Белопенный
Сад тихо во сне бормотал.
Весна.
Жизнь как будто в начале.
Душа не грустит о былом.
Все зимние смыты печали
С земли торопливым дождём.
Ещё только жизни серёдка.
Есть силы и пыл молодой.
Судьба, словно утлая лодка,
Над тёмной летит глубиной.
Тяжка просвещения пашня.
Он знал всю её без прикрас.
Часы городские на башне
Пробили предутренний час.

Отсеялись.
Вешний Никола
Отпразднован шумной гульбой.
Пора приниматься за школу,
Решили на сходке гурьбой.
Лес, сложенный загодя в штабель,
Подсох на весенних ветрах.
И струйки смолистые капель
Желтели на круглых боках.
Ударишь в бревно – колокольно
Гудит древесина, что бас.
Директор училищ довольно
Глядел на сосновый запас.
Лесины, пахучи и прямы,
Лежали пред ним во весь рост.
С зимы заготовили рамы,
И краску, и гвозди, и тёс.
И место нашлось, где не тесно –
На взгорке, у самой реки.
Артель подобрали из местных,
Степенные все мужики.
Из тех, кто прошёл с топорами
До волжского низа всю Русь,
И в каждом построенном храме
Все помнил венцы наизусть.
Такие, коль надо, вслепую
Построят игрушку-избу.
Одним топором золотую
Развесят с карнизов резьбу.
Наточат игривых балясин.
Отхолят перила не раз.
Стоит дом,
Как чудо прекрасен,
Народной душой напоказ.

Крестьянин на все руки мастер.
Гонялся годами, спеша,
В отходных работах за счастьем,

Да так не нашёл ни шиша.
Но эта работа не барам,
А вся для своей ребятни.
Работали плотники даром
Для мира, где жили они.
А труд веселее свободный,
В нём что-то от детской игры.
Скатили бревно поудобней,
И взяли его в топоры.

Сосну раздевая, железо
С причмоком стреляло щепой.
И рдели сосновые срезы,
Крутой наливаясь слезой.
Затенькали звонкие пилы,
В сухую вгрызаясь кору.
Работы крылатая сила,
Как праздник, красна на миру.
Работали жарко, торопко,
И брёвна пошли нарасхват.
Нашлись добровольцы
На копку – не мало.
Все тридцать лопат.
Стояли вокруг, бородами
Уткнувшись в махорочный дым,
Пока размечали фундамент
Ульянов с артельным старшим.
Разметили. Сразу за дело
Взялись мужики –
Не оброк.
Светлея, железо скрипело,
Вгрызаясь в лежалый песок.

Азарт (нет запальней завода!)
Зажёг всех, горят мужики.
Нашлась и мальчишкам работа –
Булыжник таскать из реки.
Несли, кто охапку, кто горстку –

Любого старшой привечал.
Илья Николаевич тёзку,
Оглоблина, сразу узнал.
Илюшка директора вспомнил,
Но что-то невесел, смурной.
Ульянов услышал, что помер
Отец мальчугана весной.
Непросто семье без кормильца.
Пять братьев, сестрёнки – орда!
Бесхлебьем обсосаны лица,
В глазах застоялась беда.
Навряд ли придётся Илюшке
Учиться. Заест парня жизнь.
Ульянов по жёсткой макушке
Погладил и молвил:
– Крепись…
Илюшка оттаял, не букой
Глядел, а надеждой светясь.
– Я выучил целых три буквы,
И все напишу, хоть сейчас!
Присели на брёвнышко. Мигом
Столпились ребята вокруг.
Ульянов взял детскую книгу
И начал читать её вслух.
Притихли и слушают вечный
Рассказ о победе добра.
Звук радостной пушкинской речи
Дошёл до глухого угла.
Сияло волшебное слово,
Проклюнулся знаний росток.
Под стук топоров в школе новой
Ульянов дал первый урок.

День гнал по земле волны света.
Рад жизни был каждый листок.
Приспело и время обеда.
И все потянулись в тенёк.
Расселись по кругу.

Артельный
Махнул кашевару – давай!
Пошли по рукам миски с кашей
И хлеба тугой каравай.
И первая гостю – обычай.
Ульянов приветно кивнул.
Уж тут не до светских приличий,
И миску в колени приткнул.
Молчат, только стук слышен ложек,
Да всплески ветвей, будто крыл.
Ульянов покушал и ковшик
Кваску молодого испил.
И вновь разговоры о деле
Пошли без подначек, всерьёз.
– Закончим к Петровской неделе…
– Нам неча тянуть – сенокос…
Высокое солнце в накале.
Над пашнями марева дым.
Опять топоры застучали
По брёвнам от зноя тугим.

-6-

Всё сделали, как порешили.
Чуть лето успело остыть,
Всем миром его пригласили
В деревню, чтоб школу открыть.
И снова дорога!.. В укладке
Нехитрые школе дары:
Всемирная карта, тетрадки
И книжки для всей детворы.
Мелькали тележные спицы,
Грязь брызгала из-под копыт.
Летели осенние птицы
Над родиной, плача навзрыд.
Стояли деньки золотые.
Листва облетала с берёз.

Волнуясь, прощалась Россия
С порою цветенья и гроз.
От зябких дождей проржавели
Зелёные крыши лесов.
И чувства иные прозрели
К отчизне – печаль и любовь.
И сердца коснулась, тревожа,
Листвы облетающей дрожь.
И стала родней и дороже
Земля, на которой живёшь.
Открылась душе по наитью
С природой бессмертная связь.
Пора журавлиных отплытий
И грусти, пронзающей нас!

Простор дрожкой нитью прострочен
Станиц, уплывающих в синь.
И горечью пахла с обочин
Седая, как пепел, полынь.
Ворона взлетела с разбега.
Зайчишка метнулся в кустах.
И ходко катила телега
В просторных осенних полях.

Хлеб убран. Стерня золотилась.
И шла в деревнях молотьба.
Была умилённая милость
В земле, подарившей хлеба.
Над током пыльца обмолота
Клубилась под гомон цепов.
Журчали, заждавшись работы
Литые круги жерновов.
Деревня считала прибытки
И сколько налогов отдать.
Остатка лишь только
На нитки хватало,
Чтоб рвань залатать.

Царю, господину и Богу,
Хоть сдохни, но доли отдай…

Ульянов смотрел на дорогу
На милый затерянный край.
День тихо катился на убыль.
Темнел на деревьях раскрас.
Вдали вспыхнул храмовый купол,
И речка блеснула, искрясь.
Илья Николаевич зорко
Вгляделся…
– А вот и она!..
У речки, на ровном пригорке
Стояла в четыре окна.
Домов деревенских повыше
С широким крылечком резным,
Под светлой тесовою крышей
Возникла вдруг школа пред ним.
Вкруг чёрный лоскут огородный,
Под ивами мельничный пруд.
Вздохнулось легко и свободно
От счастья, омывшего грудь.

СКАЗ ПРО МОСКОВСКИЙ ТРАКТ

Изъезжен тракт,
Разбит колесами.
Вороны. Выводки галчат.
Деревья старые вопросами
Вдоль по обочинам стоят.

Прошли года. Над перестарками
Всё то же солнце, звёзды те ж.
Стоят берёзоньки огарками
Былых раздумий и надежд.

А тракт изрезан буераками,
Давно распахан кое-где.
Шумит налившимися злаками,
Пшеницу нянчит в борозде.

Он много за век перевидывал
Людского счастья и невзгод.
И столько русских песен выдумал,
Где воли чудится полёт!

И здесь, под ветками пониклыми,
Не счесть людских могил и слёз.
Но жизнь уже другими нитками
Давно прошита и насквозь.

Остался старый тракт изъезженный,
Что от колёс давно остыл.
Куда он вёл? Какой надеждою
В потёмках путника манил?..

Метнётся птицей мысль встревожено.
Качнётся вихря пыльный столб.
Шумят берёзы придорожные
Над русской памятью взахлёб.

СКАЗ ПРО КАМЕРГЕРА ПОЛИВАНОВА

Лесов осенних панорама
Открылась мне и тешит взгляд.
Сухое лиственное пламя
Вкруг охватило Акшуат.

Село раскинулось в долине,
Горой укрывшись от ветров.
И в палисадниках рябины
Пылают отсветом костров.

Вокруг, куда ни глянешь, злато.

Наверно, правду говорят,
Что Поливанов здесь когда-то
Зарыл для нас великий клад.

Не проиграл, не разбазарил
На мягких девок и борзых,
А память добрую оставил
Сияньем сосен золотых.

Деревья эти старше века,
Но до сих пор ещё растут.
И всё бессмертье человека
В том, что дела его живут.

СКАЗ ПРО ЮНОГО ВЛАДИМИРА УЛЬЯНОВА

-1-

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветеньем
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный громок.

И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.
Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, и трава.

-2-

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной, как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.
Клубился мёд сиреневых туманов.
Стучали ветви клёнов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлёте,
И в сердце ощущение крыла.
На грозовом российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пускай она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и в молодой земле.
Ещё чуть-чуть и будет брошен жребий,
Что мир расколет через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.

Симбирск чадил угаром летних кухонь,
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролётке,
Как будто идол, деревянно прям,
Прошёл, дырявой хлюпая подмёткой,
В кабак родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор,
И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.
Он был одной из многих ножек трона,
На коем восседал российский царь.
Царь был для всех – и божий гром и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.
Сословия, чины…Кругом ранжиры,
Указы циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы – молодость и совесть,
Чья вера – лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыданья мамы и сестёр испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жёстким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел – как бы чего не просмотреть.

Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточен в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь, в Симбирске, яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитно.
Жизнь совершала свой весенний взлёт.
И за Свиягой – с косогора видно –
Работал на полях простой народ.
Скрипели сохи. Надрывая жилы,
Тянули с хрипом баржу бурлаки.
И тощие коровы воду пили,
В трясине увязая, из реки.
Он был не в силах радоваться маю.
Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
Его взрослила, душу остужая,
Недетская холодная печаль.

-3-

Куда пойти?..
С кем поделиться болью?
Мать рядом с Сашей,
Нет в живых отца.
Запруженная арестантской голью
Вскипала гулко улица с конца.
Косил лиловым глазом конь горячий,
Конвойный офицер крутил усы.
Совала бабка каторжным калачик,
Как повелось от века на Руси.
Владимир жадно всматривался в лица.
Кого ни привели сюда пути!
Вот два студента, может из столицы?
Спросить про Сашу… Но не подойти.
Гонимый люд шёл, спотыкаясь, в гору,
Сквозь толпы обитателей градских.

Хотелось отшатнуться от позора
Своей страны, но он смотрел на них.

-4-

Над городом весны звенело знамя.
С Венца дул лёгкий ветер – ласковей.
Над крышами домов, над куполами
Кружился май на крыльях голубей.
Шумело монастырское кладбище
Вороньим граем, молодой листвой.
И словно на родное пепелище,
Пришёл Владимир к стеле гробовой.
Тот день вставал в сиянии немилом.
Народ всё шёл и шёл издалека.
Под синим генеральским вицмундиром
Остановилось сердце мужика.
Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
Сторонник дел. Противник болтовни.
Он был педагогических дел мастер,
Учитель и наставник ребятни.
Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
Не думая про званья и почёт,
Он объезжал Симбирскую округу
И все деревни знал наперечёт.
Курные избы, рощицы, пригорки.
Серп полумесяца, сияние креста.
Папузы, Куруслепки, Домосёрки –
Беспамятные дикие места.
Сквозила бедность русских, инородцев
Из каждого дремучего угла.
За ним вставали школы как колодцы
С живой водою знанья и добра.
– Отец, отец…
Мы – пасынки отчизны, твои сыны…
(О, как земля молчит!)
К чему не прикоснёшься в русской жизни,

Умом иль сердцем – всё кровоточит.
Не оступиться б, что найдёшь, не знаешь.
Ведь на Руси, как будто в сказке той:
Пойдёшь налево – совесть потеряешь,
Пойдёшь направо – голова долой.

Вороний грай шумел над тополями,
Земля молчала под родным крестом.
Но знал Владимир, что пойдёт он прямо.
Своим, ещё не тореным путём.
Пройдёт сквозь испытания на ощупь,
В бореньях прозревая, чтоб потом,
В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
Всё обрекая на распыл и слом.
Земля молчала, но ударил ветер,
Взыграла в небе света полоса.
Цепляясь за верхушки старых ветел,
Шла на Симбирск весенняя гроза.

СКАЗ ПРО БАРЫШ

В березняке задумчивая тишь.
Сосновый бор едва шумит устало.
«Симбирская Швейцария» – Барыш –
Вступает грустно в пору листовала.

Старинный край!
Он русским стал давно.
Был некогда окраинным, дозорным.
В его деревнях каждое окно
Украшено наличником узорным.

Загадочный языческий мотив,
Подумать если, вовсе не случайный.
Как заклинанье, каждый в нём извив
Ещё дохристианской дышит тайной.

Здесь испокон веков жила мордва,
Упрямое, загадочное племя.

В узорах зашифрованы слова.
Их для потомков сохранило время.

С берёзы соскользнул печальный лист,
Напоенный осенним жёлтым светом.
Люби свой край, храни его, трудись,
Рожай детей – разгадка только в этом.

Нам предки передали эту весть,
Живущим ныне, письменами крова.
Языческое солнце, Божий крест –
Судьбы незамутнённая основа.

Глава 12

СКАЗ ПРО НАЧАЛО ДВАДЦАТОГО ВЕКА

* * *

Век начинался молодо,
С верой в лучшую жизнь...
Аэроплан над городом,
Как этажерка, завис.

Первые телефоны,
Беспроводной телеграф.
Думские пустозвоны.
Поиски воль и прав.

Хоругви, кресты, иконы.
Деревни, пьяные вдрызг.
Маршевые батальоны

На фронт провожал Симбирск.

Первые пораженья.
В петлицах траурный креп.
Первые повышенья
В лавках цены на хлеб.

Грозные забастовки.
Бунта кровавые дни.
В руках у толпы винтовки.
Боже, Россию храни!

Это – лишь только начало
Отсчёта счастий и бед.
Всё это памятью стало
Белой и красной на цвет.

СКАЗ ПРО РОМАНОВСКИЙ МОСТ

И при царизме строили мосты,
Почти вручную, накрепко и споро.
Всё на заклёпках – балки и листы
Железные. Гранитные опоры.
Река катилась медленно на юг,
Степенно огибая крутояры.
Звучал кувалд могучий перестук
И по воде был слышен до Самары.

Четыре года стройки колесо
Работало без устали и лени.
И град Симбирск смотрел на это всё
С обломовским вполне недоуменьем.
Он всё к себе примеривал, решал,
Но будущего всё-таки не ведал.
И скоро на всю Русь такие беды
Пришли, что их никто не миновал.

Пока же год шестнадцатый.
Оркестры

Играют марши, трубы вверх задрав.
К мосту впритык походкою железной
Подходит испытательный состав.
Локомотив упрямой силой пышет.
Бушует в топке яростный огонь.
И мост, как материнская ладонь,
Над Волгою состав едва колышет.

СКАЗ ПРО ПЕРВЫЙ В СИМБИРСКЕ ПАРОВОЗ

Волжане шумною толпою
Толкали в гору паровоз.
А тот всей тяжестью литою
Тянул ватагу под откос.
Но устояли симбиряне,
Потомки мощные стрельцов.
И в гору леший окаянный
Был завезён, в конце концов.

И весь Симбирск на чудо-юдо
Смотреть сбежался, рты открыв.
И вот парадная минута –
Стрельнул гудком локомотив.

Затем он пыхнул клубом пара
И чёрный дым пустил в трубу.
Зажглась прожекторная фара
В его крутом и медном лбу.

В Симбирск век пара и железа,
Взамен сохи и топора,
Пришёл. Радетели прогресса
Вскричали радостно «Ура!..»

Лишь некий скептик со значеньем
Сказал, увидев паровоз:
– Он к нам не жизни облегченье,

А революцию привёз.

СКАЗ ПРО ЗЕМЛЮ

Спит мещанский Симбирск,
Февралём убаюкан –
Обещаньем свободы,
раздела земли.
Отшумела в садах
Листвяная осенняя вьюга,
Ледяные зазимки
На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь –
Революции огненный праздник.
Будоражит страну
Обновления жуткая новь.
Но Симбирск молчалив,
Монастырский, лабазный,
С кистенём под полой,
Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
Лучше пусть верховодят эсеры.
Совнаркомия Питера
Нам, волгарям, не указ.
Наша местная власть
Вся купеческой веры.
Их мы знаем насквозь –
Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
Но в казармах шумят о свободе
Те, кто с вошью окопной
Был три года на «ты».
И пять сотен рабочих
Бузят на патронном заводе.

И крестьянин ко лбу
Поднимает щепотью персты.

Он ещё не опомнился,
В строки вчитавшись декрета,
Что в обмотке привёз
С галицийского фронта шабёр:

– Надо землю делить!
Неча ждать учредилки и лета.
Не помогут слова,
Так поможет топор!
Он молчит,
Но «люблю» сердце шепчет землице.
И мозолят глаза
Гребни потных борозд.
До рабочей зари
Мужику будут в мареве сниться
Неба край,
Да копыта,
Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
Задохнётся от жара,
От затаённого
В почве огня.
Буйно щедра
Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля столько дён!

И сорвутся к земле

Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Оживляюще-сладкий
Весенний поток.

И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток…

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыля.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею
Навеки земля.

СКАЗ ПРО ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Светлый день – воскресенье!
Рынок в Симбирске
Колобродит, как стачка
Мычит и визжит.
Из-под круга точильного
Сыпятся искры.
И заря кровянит
Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик

Работу хмельную,
От которой земля
Закачается вдруг,
Когда вопьётся
Взасос, в поцелуе,
Нож заголяшный
В наждачный круг!

Точи, пролетарий,
Косы и вилы,
Кали, окунай
В родниковую студь!
Земля раскрутилась
Гудящим точилом –
Вылетел в небо
Млечный путь!

Рынок в Симбирске
Шумит, колобродит.
Из уха в ухо слушок течёт:
– Керенки больше, того,
Не ходят.
Только царь-золоту
Вечный почёт.

В руках у кого-то
Мелькнула газета.
Споры.
И некому речи пресечь.
– Быстро новая власть
Производит декреты.
– Как блины их печёт.
Как бы рот не обжечь.
– Кто их знает?
– Там Питер, Советы.

Здесь начальство и баба.
Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,
Имя пыхает:
– Ленин. Ульянов.
Пожилой старожил
Мужикам из Тагая внушал:
– Это наш, симбирянин,
Без всяких обманов.
Я его самого
И отца его знал.
– Это надо ж! –
Качали вокруг головами.
– Наш, симбирянин!
А может, ты врёшь?..
– Я тогда промышлял
В их порядке дровами.
Брехуном не дразнили.
Неужто похож?..

– Ну, и как из себя он?
– Кто?
– Ленин тот самый.
– Был смиренный мальчишка,
Но взглядом востёр.
Волосы будто лампадное пламя…
–Ты гляди, а докуда допёр.
– Чай, из богатых?
– Какое богатство.
Домик, сад,
Ребятни полный двор.

… Рынок,
Стихнув,
Внезапно звереет от ора.
Плещет смрадная ругань
Из глоток, как дым.
Ловит скопом толпа
Карманника-вора.

Наземь свалив,
Нависает, как туча,
Над ним.

Смертью пахнуло,
Могильной землёю.
Жизнь встрепенулась,
Почуяв провал...

Воздух густой
Разорвал над толпою
Выстрел, и с крыш
Вороньё посдувал...

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.
Рядом ещё.
Но негусто, с полвзвода.
Крепкие парни.
Винтовки, штыки.

– Граждане!
Власть в руках народа!
Правят Россией
Большевики!
– Сам-то ты кто?..
– Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленина
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите

По головам!

– Мы бы ничо,
Да чего бы ни вышло...
– Хватит, слезай!
Что пустое брехать?

– Уши развесили:
К новому дышлу

Всех вас привяжут,
И ну – погонять!..

– Хватит, как малых детей
Нас баюкать!
– Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

– Бери в намозоленные
Мосластые руки
Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде, чем бунтом
Пойти на богатство,
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.

От весёлой работы
Трепещет душа.

И сыпятся искры,
Как перья жар-птицы
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

СКАЗ ПРО ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ

Клубился зной,
Колючий, злой.
Желтело небо, как рогожа.
Сграбастал голод пятернёй
За глотку нищее Поволжье.

Смерть шла по выжженным полям
Тенями рваными пожара.
И кровью наливался шрам
На детской шее комиссара.
Угрюмо заседал комбед.

Бесхлебье обсосало лица.
И падал из окошек свет
На злые острые ключицы.
Крик петушиный.
Выстрел. Стон.
Скрипят ворота, как протезы.

Клокочет в глотках самогон.
Лежат за пазухой обрезы.
Огнём обкусанный забор.
Голов отъятых позевота.
Скороговорка пулемёта.
И пуля разрешала спор.

СКАЗ ПРО ЗЕМЛЕМЕРНУЮ САЖЕНЬ

Голенаста, как аист,
Мозолины глаже,
Вымахав,
Тысячи пашенных вёрст,
Висит на амбаре
Старинная сажень,
Деревянные ноги
Топыря вразброс.

Сделал её,
Когда был ещё в силе,
Дед,
Воротившись с гражданской домой.
Землю
Навечно крестьянам делили,
Счастьем ржаным
Одаряли с лихвой.

Путаясь в полах
Пробитой шинели,
С саженью шёл он,
Спеша со всех ног.
Землю делил мужикам
И артели,
Мощностью в шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
И запрягся в работу.
Залежь ломал
И в отход уходил.
Чтоб прокормить десять ртов –
Всю голоту,
От зари до зари
Выбивался из сил.
Как она пахла,
Родная землица,
Плугом обласкана.
Вся в зеленях,

Вот и досталось судьбе
Распрямиться,
Больше не чудился
Голод и страх.

Малость окрепнув
К тридцатому году,
Думал,
Что дальше помчит рысаком.
Но для крестьянства
Другую свободу
Выдумал вождь
В кабинете своём.

Так зануздали –
Не брыкнешься даже.
От мужика
Отшатнулась земля.
Снова ладони
Мозолила сажень,
Пашню для нового счастья деля.
Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы –
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
Стала тише и глаже.
Думать не надо,
Коль всё решено.
Мерила труд
Бригадирова сажень.
Время катилось.
Куда? – всё равно.

Русская доля,
Судьба ножевая!
Горечь утрат.
И забвенья трава.
Только застонет душа,
Прозревая,
В горле занозой
Застрянут слова.

СКАЗ ПРО АРКАДИЯ ПЛАСТОВА

Он был художником от Бога
И сыном родины своей.
Искусством праведно-высоким
Очеловечивал людей.

И от картин его исходит
Простой и ясной правды свет.
Он для народа жил в народе,
И разделил с ним ужас бед:
И революции, и голод,
И весь российский перетряс,
Когда ковал репрессий молот
Меч справедливости для нас.

И в красоте его полотен
Сияла будущая жизнь.

Он был воистину народен.
Ему крестьянский коммунизм
Всегда был по сердцу…
Но время
Пришло: ни мира, ни войны.
И возросло другое племя,
Другие внуки и сыны.

Другая жизнь, чужое счастье
Смущает сказками народ.
Сменилось многое, но Пластов
В своих полотнах не умрёт.

Он был художником от Бога
И сыном родины своей.
Искусством праведно-высоким
Очеловечивал людей.

Глава 13

СКАЗ ПРО ПОЛЕВОЙ ОДУВАНЧИК

Я помню,
Как я – тот далёкий мальчик,
Каким-то чудом выживший в войну, –
Держу в руке
Поспевший одуванчик
И слушаю живую тишину.

Вокруг меня,
Древнее, чем былина,
Лежит до неба звуками полна
Просторная
Столовая равнина,
Нетронутая плугом целина.

Полынь горчит,
Татарник пахнет мёдом.
Степные травы встали в полный рост.
Следят за грозным
Ястребиным взлётом
Перепела испуганные с гнёзд.

В лицо летит
Полынный терпкий ветер.
Вдали клубится смерчевой поток.
И простодушно веруя в приметы,
Держу в руке я сорванный цветок.

Он вырос
Под степным горячим небом.
И, как дымком, окутан был пушком.

Его упругий
Чуть шершавый стебель
Был переполнен горьким молочком.

И сердцем,
Не обманутым ни разу,
Я верил слову каждому тогда,
Что если сдую
Все пушинки разом,
То воплотится в явь моя мечта.

Но я не знал,
Когда пух разлетался,
Ни жизни, ни её добра и зла.
Мой детский мир бесхитростный
Кончался
В те годы за околицей села.

Мой дивный мир:
Землянки, огороды,
За ними даль без края и конца.
Здесь я набрался
На всю жизнь свободы
И запахов пьянящих чабреца.

Я видел всё
в сиянии Победы,
И подвига народа на войне.
Я, как и все,
Не думал и не ведал,
Что лишь полвека жить моей стране.

Вокруг кипела
Праздником работа,
И время густо свадьбами цвело.

Уставшее
От войн и недорода
О близком счастье грезило село.

Добро и зло,
Надежды и сомненья,
Как остро это всё переплелось
В моём таком наивном
Поколенье…
И мне пора о нём сказать всерьёз.

Мы – сыновья времён
И чувств железных,
Когда войною шёл на брата брат.
С тех пор страна
Колеблется над бездной,
Из душ никак не выгорит разлад.

Не правда нам страшна…
Кровь заблуждений духа
Уж скоро век, как гложет совесть нам.
И либеральный бред,
Усталость и разруха
Надолго стали свойственны умам.

И нет замены
Рухнувшим кумирам.
В почёте только злато-серебро.
Нас ждёт война самих с собой и миром,
Который ополчился на добро.

И я уже не тот наивный мальчик.
Познавший нашей жизни виражи,
Я вновь срываю
Пыльный одуванчик
И вдаль гляжу с опаханной межи.

Шатается,
Кипит пшеница в поле,
Спешит волнами спелыми ко мне.
И, как осколок
Дивной детской воли,
Кружит над степью ястреб в вышине.

До ясных звёзд
Набито небо громом.
От высоты захватывает дух.
Сдувает гулкий рёв ракетодрома
С цветка белёсый невесомый пух.

СКАЗ ПРО РАСПАД СССР

Шумят окраины. Кичливые призывы
Слепят умы. Уже пролита кровь.
И только лишь Россия молчаливо
Взирает на безумные порывы
Былых друзей, теперь почти врагов.

Её сыны своею кровью тушат
Пожар вражды беспамятных племён.
Былой покой и проклят, и разрушен,
От своеволья одичали души.
И пыль столбом от рухнувших икон.

Вновь начата трагическая повесть
Братоубийства, где героев нет.
На площадях бушует митинговость.
Витии верховодят. Меркнет совесть.
И на Россию пал кровавый свет.

В который раз ей выпало коварства
Терпеть от тех, кого она спасла

Своим мечом от унижений рабства,

От гибели, и, подав руку братства,
Как равных за собою повела!

Но что им Русь? Что отчие святыни?
Что братские могилы на полях?
С Россией им не по пути отныне.
Так пусть идут туда, где кровь и страх.

Что их держать, коль всё им здесь немило?
Пусть торжествуют – рушится Союз,
Горит, как коммунальная квартира…
А Русь пойдёт стезёй добра и мира,
Не оскверняя злобным словом уст.

СКАЗ ПРО ЯЗЫКОВО

На всем печаль,
На всем печать разрухи.
По улицам сухую пыль метёт.
Но раз в году
Здесь торжествуют звуки
Поэзии... И праздничный народ
Вступает в парк
Под лиственные своды.
Гремит оркестр,
Потом звучат слова,
Что в прежних временах,
Мол, не было свободы,
А нынче есть и вольность, и права.

Святая незатейливая ложь!
Другие мы, чем Пушкин и Языков,
В нас много подъярёмного. И всё ж
Мы до тех пор народ,
Пока святые лики
Поэтов освящают каждый год
Старинный парк.

Развалины седые,
Родник и пруд,
И праздную толпу.
Ещё жива глубинная Россия,
Что знает правду, веру и судьбу!

Другие мы.
И лишь земля и корни
Связуют нас с минувшим.
Да с высот
Небытия,
Заоблачных и горних,
Поэт всем знак участья подаёт.

СКАЗ ПРО КАРАМЗИНСКИЙ САД

Листвы опадающей трепет.
И клик журавлей на лету.
Минувшего шелест и лепет
Слышны в Карамзинском саду.

Здесь русское прошлое живо
Со мной обо всём говорит.
И муза истории Клио
Над глыбой гранита парит,

Читая России скрижали
Понятным простым языком,
Про то, что нашли, потеряли
Мы все на пути роковом.

Начала сокрыты во мраке,
И знают о них лишь одни

Созвездий сияющих знаки,
Болот колдовские огни,

Да ворон угрюмо молчащий
На древнем могучем дубу.
И лешие в сумрачной чаще
Пророчат России судьбу.

Еще не рассеялся морок
Преданий, когда Карамзин,
Бесстрашный поэт и историк,
Решился дойти глубин,

Из коих взошло государство,
И крепи его, и столпы –
До гибели Русского царства
От Смуты и козней судьбы.

До горькой кручины народной –
Паденья державных стропил
Довёл он свой труд благородный
И в Боге смиренно почил.

Листвы опадающей трепет.
И клик журавлей на лету.
Минувшего шелест и лепет
Слышны в Карамзинском саду.

СКАЗ ПРО ЖУРАВЛЯ В НЕБЕ

Журавль прокурлыкал прощально.
Деревья притихли во мгле.
О Господи!.. Как всё печально
Сегодня на русской земле.

Шумит на священных могилах
Сухой и полынный бурьян.
О Господи!.. Будем ли в силах
Развеять хулу и обман?..

Лесов золотая разруха.
Серебряно-светлый Покров.
О Господи!.. Хватит ли духа
Надежду сберечь и любовь?..

Глава 14

СКАЗ ПРО СТОЛИЦУ СИМБИРСКОГО КРАЯ

Крутыми вьюгами обшарен,
Спал город, как усталый мозг,
Разбитый на два полушарья
Рекой, что льдом сковал мороз.

Безлюдный, к полночи усталый,
Замешан круто на стекле,
Бугрясь бетоном и металлом,
Он распластался на Земле.

Но в спящем городе всё время
Был слышен тяжкий мерный гул:
Его сигнальная система
Несла бессонный караул.

В потёмках уличных извилин
Клубились смерчи снежной пыли.
Не спали сыщики угро.
Пугливый вор с добычей крался.
И слепо верящий в добро
Во сне ребёнок улыбался.

Солдат сны видел про войну
И просыпался от бомбёжки.
И рвал сиреной тишину
Внезапный вызов "неотложки"

Шла беспрестанная работа.
Кипела срочная страда.
Взлетали в небо самолёты.
Мглу разрывали поезда.

И перекатывались громы
В кузнечных огненных цехах.
Не спали фабрики, роддомы
И часовые на постах.

Земному шару неизвестный

Не спал поэт в каморке тесной.
Стремясь постигнуть красоту,
Он вглядывался в темноту.

Ему прозренья роковые
Неизречённо душу жгли.
На стёклах окон ледяные
Цветы бестрепетно росли.

Позёмка тёрлась по-гадючьи
О стены жёсткой чешуей.
Луна, испуганная, в тучах
Летела жёлтою совой,
Как бред над тканью мозговой.

Не воплотившаяся в слово,
Как будто всадник безголовый,
Мысль по извилинам немым
Неслась под сводом черепным.

И в мутном лунном освещенье,
В клубок метельный сплетены,
Роились образы и тени
И человеческие сны,
Криво-зеркальным отраженьем
Дневных испугов и надежд
Бывалых умниц и невежд.

Фосфоресцировали бредом
Над сонным городом умы.

Под циркульным фонарным светом
Метались клочья снежной тьмы.

И нервно вспыхивали звёзды
Над мозговой корой Земли.
И в голубых глазах мороза
Цветы бестрепетно росли.

Они ползли, как хмель, всё выше
По нитям света звёзд сквозь тьму.
И становилось небо ближе,
Доступней сердцу и уму.

Мир был огромен и печален.
Летел, рассыпавшись во мгле,
Огонь с вселенских наковален
Метеоритами к Земле.

СКАЗ ПРО СУДЬБУ РОССИИ

Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России
Как погорелец, потерявший дом.

То к Западу качнётся, то — к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладеет к Богу,
То воспылает верностью к нему.

То, в смуту впав, опять себя терзает,
Без милосердья всё вокруг круша.
И только вещий чёрный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.

Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской голытьбе,
Господь поволил знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.

СКАЗ ПРО РУССКОГО ПОЭТА

Сомнений тьма, а ты один.
Меж двух глубин — земли и неба
Живёшь не зряче и не слепо,
И раб себе,
И господин.

Ты постигаешь свой удел
И не дойдёшь никак до сути:
Где остановка, где предел
Всему, что есть?
Тому, что будет?..

Но что страшиться…
Жизни бег
Нас потрясает вещей дрожью.
И ты, бессмертный человек,
В себе почуешь искру божью.

Ты ею будешь приобщён
К судьбе великого народа.
Поэту не нужна свобода,
Коль воли нет.

Пусть знает он
Свой долг и подвиг, и гоненья.
Поэт призваньем осуждён
Быть вещей болью поколенья!

Что этот век?
Что век иной?..

Не сотвори из них кумира.
Лишь ты один есть совесть мира.
Звенит врачующей струной
Над болями земными лира.

И ты, поэт, во мраке буден,

В труде, на смертном рубеже
Не забывай, что ты подсуден
Одной лишь собственной душе!

Ты перед ней за всё в ответе.
Сжигай себя, томи, неволь!
Как раскалённый уголь, светит
В твоей душе святая боль!

СКАЗ ПРО НАРОДНОЕ СЧАСТЬЕ

Ведь всё так просто: лес и поле,
И нищета сорочьих гнёзд.
А вот, поди ж ты, заневолит,
Заворожит почти до слёз.

В России утро или вечер?
Куда ведёт судьбы тропа?..
Сквозняк задул в соборе свечи.
Молчат священные гроба.

Стою у Вечного огня.
И чувствую – незримым током
Струится пламя сквозь меня,
Соединяя душу с Богом,

Что был на русской стороне
Почти со всей Европой битвы,
И танков крестный ход в огне
Под орудийные молитвы
Он освящал…

В солдате каждом,
Счастливо выжившем иль павшем,
Бог был частичкой любви.
И храм Победы на крови

Воздвигнул на небесной тверди
И души их хранит в бессмертье…

Причин для радости немного.
Но жив надеждой русский бог,
Хоть колесована дорога
В град Китеж вдоль и поперёк.

И я не прячу чувств под маской.
Насмешек жалких не страшусь,
Что до сих пор осталась сказкой
Про счастье будущая Русь.

И пусть всегда такою будет,
Чтоб было что любить, беречь.
Мечту народа не остудит
Ничья предательская речь.

Он знает сам, где быль, где небыль,
Где жизнь, где вечный упокой.
Он головой упёрся в небо,
И держит тяжкий свод земной.

ИСТОРИЯ РОССИИ

История России необъятна.
Она как затонувший материк
Из толщи временной и невозвратной
Лишь иногда нам свой являет лик.

В ней – радость человеческого детства,
И горечь от несбывшихся надежд,
И подвиги, и подлые злодейства,
И наши мненья жалкие, невежд.

И мы пред ней, то в ужасе немеем,
То слепнем от сиянья красоты.
И каждого державного злодея
Готовы оправдать и вознести.

И тщимся объяснить себе причины
Распада царств и гибели эпох…
В её бездонной роковой пучине
Сокрыт всех русских промыслов итог.

Все радости земные и все беды,
Исканья правды и дурман идей,
Все смыслы русской жизни, все ответы,
Всё будущее наше скрыто в ней.

Сонм пращуров державных не попустит
Нам позабыть про свой святой исток.
Россия как река вливается всем устьем
В безмерный океан, чьё имя – Бог.

Содержание

Предисловие……5
Зачин…….....8
Слово великого государя **А**лексея Михайловича……....9
Сказ про Богдана Хитрово…….....10
Сказ про то, как синбирские казаки воевали со Степью…….....14
Сказ про Чингисхана…….15
Сказ про гибель Булгарского царства……..18
Сказ про приход Богдана Хитрово на Синбирскую гору……..20
Сказ про засечную черту……...21
Сказ про князя Святослава Игоревича…….23

Сказ про Николину гору……....24
Сказ про валун……24
Сказ про Андреевский курган……...25
Сказ про витязя на распутье…….....26
Сказ про Ивана Грозного на Суре……27
Сказ про первосёла……28
Сказ про замученного в Пустозёрске протопопа Никифора……30
Сказ про протопопа Аввакума……..……31
Сказ про беглого …….....32
Сказ про видение Ивана Грозного……33
Сказ про чуму…….35
Сказ про осаду Синбирска Степаном Разиным…….....37
Сказ про Степана Разина поэта Дмитрия Садовникова…….42
Сказ про старовера-отшельника……...43
Сказ про Емельянову птаху……...44
Сказ про то, как царь Пётр Алексеевич в Синбирске чаи гонял……...47
Сказ про державный топор Петра Великого……...50
Сказ про кончину первого императора…..……..51
Сказ про симбирское сватовство Екатерины Великой…...……53
Сказ про историка Карамзина…..……..56
Сказ про Никольское-на-Черемшане……59
Сказ про Пещаное море и остров Счастья…...……61
Сказ про Радищева...……..64
Сказ про Якова Ярова……65
Сказ про синбирских бурлаков...……..66
Сказ про Жадовскую пустынь...……67
Сказ про клады Симбирские…..……68
Сказ про пребывание Пушкина в Симбирске..……71
Сказ про декабристов……73
Сказ про симбирских масонов.……75
Сказ про Дениса Давыдова……76
Сказ про Огарёва……...……77
Сказ про Волгу……..……78
Сказ про Серёжу Аксакова……..……79
Сказ про посещение Пушкиным подвала, где пытали Пугачёва..……81
Сказ про писателя Ивана Гончарова……....84
Сказ про Андрея Блаженного……85
Сказ про счастливое будущее……...86
Сказ про симбирские колокола……88
Сказ про великий пожар,1864……...89
Сказ про директора народных училищ ..……91
Сказ про Московский тракт……107

Сказ про камергера Поливанова…….108
Сказ про юного Владимира Ульянова…..……..……109
Сказ про Барыш……....114
Сказ про начало двадцатого века.……...115
Сказ про Романовский мост...…….116
Сказ про первый в Симбирске паровоз..……118
Сказ про землю…….118
Сказ про воскресный день.……..120
Сказ про голод в Поволжье.……125
Сказ про землемерную сажень……126
Сказ про Аркадия Пластова……128
Сказ про полевой одуванчик..…….130
Сказ про распад СССР……133
Сказ про Языково.……134
Сказ про Карамзинский сад……...135
Сказ про журавля в небе..……136
Сказ про столицу Симбирского края…….138
Сказ про судьбу России……..……..140
Сказ про русского поэта……..141
Сказ про народное счастье……..142
История России……144